

Н и к а К л и м о в а

СМЕРЬ

16+

Ника Климова

Видящая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55363442

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06066-1

Аннотация

Я родилась слепой. Но не это превратило мою жизнь в ад. Меня наградили даром видящего. А это означает только одно – отныне я собственность империи, бездушный солдат, обязанный в любое время дня и ночи исполнять свой долг. Нет права на сострадание, жалость и симпатию. Эти чувства из нас выбивают долго и жестоко в закрытой спецшколе. Нас ненавидят, презирают, боятся. Потому что мы в любой момент можем заглянуть в каждого и раскрыть все его тайны. Меня же интересует только одна – что стало с моей семьей, из которой я была насильно вырвана в семь лет? И как уничтожить того, кто превратил мою жизнь в ад?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Его руки держали крепко. Было больно. Кожа горела огнем. Он тащил меня вниз по старым деревянным ступеням, как мешок с мукой, нисколько не заботясь о сохранности. В спину летел крик отца и плач матери. Ему не было до них никакого дела. Он выполнял свой долг. Протащив мое извивающееся тело по дорожке, а после, небрежно закинув в машину, имперский агент сел рядом – я это чувствовала. Меня резко отбросило назад, и спина вжалась в мягкое кожаное сиденье. Он увозил меня из отчего дома. Навсегда. Даже не дав попрощаться с родными...

Я резко дернулась и проснулась. Лицо было мокрым от слез. Руки болели как тогда. Чуть выше локтей. Казалось, что это чудовище все еще держит меня. Колени, даже спустя шестнадцать лет, помнили каждый камень и каждую ямку на тропинке, что вела к калитке. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось внутри меня. И хотя в спецшколе, где я провела четырнадцать лет, из моей души и головы тщательно выбивали и вырывали все чувства, связанные с домом и семьей, не гнушаясь никакими методами, мне все же удалось сохранить хотя бы часть их и не превратиться в бездушную машину, исполняющую приказы. Сколько я при этом получила синяков и кровоподтеков, причем не только

на теле, не описать ни в одном кошмаре. Со временем я научилась скрывать свои чувства. Не до конца, конечно. От нашего наставника эст Натрига скрыть что-то было невозможно. Он во время постоянных проверок залезал к нам не в голову, а под кожу, сдирая ее живьем и обнажая самое сокровенное. От воспоминания об этом видящем меня передернуло. Как же я его ненавидела! Мечтала убить! Расчленить! Разорвать на куски! Медленно, наслаждаясь его криками. Он знал об этом. И испытывал извращенное удовольствие, смакуя мое желание и, казалось, каждый раз добавляя все новые и новые причины моей ненависти к нему.

Я отбросила одеяло в сторону и коснулась босыми ногами прохладного пола. Внутренние часы подсказали, что до рассвета еще долго. Но уснуть уже не удастся. Так бывало всегда, когда мне снилось прошлое. Я нащупала в изножье кровати халат и, встав, набросила его на плечи, не завязывая. Половицы под ногами поскрипывали, когда я не спеша шла на кухню. Светлячок мне был не нужен – все равно ничего не увижу, потому что родилась слепой. Впрочем, не совсем. Окружающий мир видела размытыми пятнами, и это не давало наткнуться на людей и предметы. Но зачастую даже цвет различить не могла. А сейчас шла по памяти – за два года жизни в этом казенном доме уже знала каждый поворот и каждую трещинку в полу и стенах.

Кухня была небольшой, но все в ней располагалось вдоль стен – для удобства слепых. Я без труда нащупала чайник.

Вода в нем была всегда. Этого я требовала от приходящей домработницы. Их приставляли ко всем видящим. Как выглядела моя, я не имела ни малейшего понятия, зато прекрасно чувствовала ее эмоции. Будучи обычным человеком без капли магии, она не умела их скрывать. Страх – что я в любой момент могу узнать ее маленькие интимные секреты, ненависть – что приходится прислуживать видящей, отвращение – смотреть в пустые глаза таких, как я, непросто. Но уволиться Тайрин не могла, потому что крепко была связана контрактом до тех пор, пока я либо не умру, либо не буду казнена за измену империи. Дело в том, что видящие – привилегированная ячейка общества, которую боятся, ненавидят и обходят стороной, но причинить вреда не могут. Это тут же влечет за собой лишение жизни без суда и следствия. Видящие – неприкосновенны. В прямом и переносном смысле. Ведь такие, как я, рождаются редко, а ценность их велика. Почему так происходит, ученые не знают до сих пор. И ни одна семья не застрахована от того, что у них родится ребенок-видящий. Причем это никогда не считалось великой радостью – только страшным горем.

Чайник затих – вода нагрелась. Я бросила в чашку щепотку листьев араны и залила их кипятком. В мой чувствительный от природы нос ударил сладковато-горький запах. Скоро он стал слабее, оставив после себя едва заметный шлейф. Прихватив чашку, я вышла в гостиную и устроилась с ногами в мягком кресле. Весна в этом году выдалась прохладной.

Снег давно сошел, но часто лили дожди, сменяясь пронизывающими ветрами. Солнца почти не было. Вот и вечером, когда я леглась спать, в стекло впились мокрые капли. Сейчас было тихо. Но ночная сырость осторожно пробиралась в дом, не сдерживаемая более жаром камина. Он прогорел. Придется ждать утра, когда придет Тайрин, а пока – согреться горячим чаем.

Вчера пришел ответ из архива – второго по счету. И снова ничего. Моя семья как сквозь землю провалилась. Ни в той деревне, где мы жили, ни в городе, где я родилась, никакого упоминания о них не было. Словно бы их и не существовало. Но ведь так не бывает. Что делать дальше, я не имела ни малейшего представления. Писать во все архивы подряд? Можно было, конечно, сразу сделать запрос в главный императорский архив, но тогда о моем желании разыскать родителей и брата сразу стало бы известно. И не поздоровилось бы никому: ни мне, ни им. Я выпустилась из спецшколы два года назад, поэтому воспоминания о жестокости наставников-видящих все еще были живы. И они до сих пор заставляли мое тело сжиматься в тщетной попытке защитить себя. Я усмехнулась. Защититься там было невозможно. Это только усиливало раздражение наставников, за что следовало очередное наказание. И лишение ужина или обеда было ерундой по сравнению с тем, на что толкала их извращенная фантазия.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, я сосредоточи-

лась на чашке, которую держала в ладонях. Неспешно отхлебнула крепкий, чуть горьковатый чай и закрыла глаза, наслаждаясь тем, как он медленно наполнял мое тело теплом. Редкое удовольствие для видящих. И то тайное. На людях мы были обязаны выглядеть собранными, сосредоточенными и хладнокровными. За это нас тоже ненавидели. Слишком безупречные, слишком самоуверенные в себе. Знали бы окружающие, чего стоило выработать в себе способность превращаться в ледяную высокомерную статую. И сколько оставалось на теле шрамов после сиюминутного проявления хоть малейшей эмоции. Раны, конечно, потом залечивали целители. Следов не оставалось. При этом не знаю, что было страшнее, наказание или лечение после него. Потому что никто с нами в школе не церемонился. И складывалось впечатление, что каждый считал своим долгом унижить, причинить новую боль и лишний раз напомнить об отношении простых смертных к видящим. Несмотря на то, что нас причисляли к высшей ячейке общества, все годы обучения мы чувствовали себя ничтожествами. Особенно на начальном этапе, когда еще неразумными и напуганными детьми привозились в закрытые каменные корпуса – по сути, в тюрьму.

Я вздрогнула, вспомнив первые дни и недели в школе. Чай выплеснулся на колени. Хорошо, что уже успел остыть. Сегодня у Тайрин добавится работы – стирка. Впрочем, жалости у меня это не вызывало. Мы с домработницей заключили негласное соглашение – терпеть друг друга. И не более.

Оставив чашку на кухонном столе, я вернулась в спальню. В среднем ящике комода нащупала тонкий шелк ночной рубашки. Пижама ненавидела со школы. Переодевшись и бросив испачканное белье на пол, я забралась под одеяло. Холод обнял меня, заставляя тело сжаться и подтянуть колени к животу. В голове мелькнуло воспоминание о другом месте и времени, когда я дрожала, прижимаясь к ледяным и сырым камням в подвале школы – очередное наказание за непослушание. Убедить себя, что ты уже не девятилетняя трясущаяся девочка и лежишь в чистой теплой постели, было непросто, даже спустя столько лет. Понадобилось несколько минут, прежде чем тело расслабилось, вытягиваясь на постели. Интересно, другие мои сокурсники испытывали нечто подобное или нет? Спросить возможности не было. За все время обучения в спецшколе никто из нас так и не смог завести друзей. На то и был расчет всей системы. Мы, как голодные дикие волчата, натравливались друг на друга, используя соседей по комнате как дополнительные тренажеры для своих способностей. А как можно общаться и дружить с тем, кто видит тебя насквозь, твои самые тайные и сокровенные мысли? Да и желание выслужиться перед наставниками играло не последнюю роль в появлении враждебности между учениками. Никогда не понимала, чем нам это могло помочь в будущем? Почему дружба и взаимная симпатия так порицались в обществе видящих?

Мне казалось, что я только успела закрыть глаза, когда в

сон ворвался стук в дверь. Надолго затих и снова повторился.

– Какой-то нерешительный гость, – подумала я, нехотя откидывая одеяло в сторону.

Соседи меня не жаловали. Друзей не было. А это могло означать только одно – полиции в очередной раз понадобились мои услуги.

Я надела халат, делая это нарочито медленно – пусть пождет. Нащупала на тумбочке тонкие перчатки – обязательный атрибут всех видящих. Без них выходить на улицу или принимать гостей было запрещено. Не спеша надевать, взбила пальцами волосы. В детстве они были длинными. Мама всегда заплетала мне две косы. В школе же первым делом подстригли под мальчишку. И только на высшей ступени обучения позволялось иметь короткие волосы. И то они непременно должны были быть собраны в тугую строгую прическу, чтобы ни один волосок не выбивался. Сейчас я находилась дома, поэтому могла позволить себе распустить их. Жаль, что не было возможности увидеть цвет волос. Но мама всегда говорила, что они как солнышко.

Я заставила себя подавить улыбку, услышав новый стук. Уже настойчивее и громче. На ходу надевая перчатки, дошла до дверей. Открывать не боялась. Нападать на видящего – верх идиотизма.

– Здравствуйте, эста Рин.

Голос полицейского курьера я узнала сразу. Он изо всех

сил старался быть вежливым, но едва заметные вибрации в голосе выдавали страх и недовольство одновременно.

– Доброе утро, Айрис, – я специально обратилась к нему по фамилии и без звания, тут же ощутив его плохо скрытое возмущение и злость, которые окутали меня колючим облаком. – Чем обязана?

– Следователь Оллир просит вас прибыть на место преступления, – сухо ответил курьер.

Просит! Я чуть не рассмеялась. Можно подумать, у меня был выбор: отказать или согласиться.

– Подождите, я оденусь, – сообщила Айрису и закрыла дверь перед его носом. Пусть постоит на холодном ветру и померзнет. Все-таки уроки в спецшколе не прошли даром – мы ненавидели других так же, как они ненавидели нас. И при малейшем удобном случае старались показать им свое превосходство. Вот и сейчас я не спеша приняла душ, не торопясь высушила волосы, надела белье, чулки и черное, наглухо закрытое платье – униформу видящих. Ноги легко нырнули в такие же черные сапоги на сплошной подошве. Носить каблуки запрещалось. Да и не очень удобно, если учесть специфику работы. За столько лет практики даже вслепую с легкостью соорудила на голове тугую шишку и, прихватив перчатки, прошла на кухню. Работать без завтрака не собиралась.

Не спеша наслаждаясь лаффе – напитком из обжаренных корней вечно зеленого одноименного растения, я смакова-

ла хрустящее печенье и живо представляла, как зубами скрипит сейчас за дверью Айрис. Подгонять меня он не имел права. А я пока своих полномочий не превышала. Не отказалась же поехать на место преступления? Нет. Значит, все в рамках регламента. А то, что собираюсь долго, так извините, слепота к скорости не располагает.

Наконец, устав издеваться над курьером, я надела пальто, небольшую шляпку с вуалью и вышла в стильное весеннее утро. Айрис топтался у низкого крыльца. Его раздражение уже давно переросло в злость.

– Я готова, – сообщила я, протягивая ему руку. Конечно, дойти до калитки могла и сама, но он обязан был меня сопровождать и направлять.

Айрис не сразу пристроил мою ладонь на свой локоть. Я чувствовала, как было напряжено его тело, как он с трудом сдерживал себя, чтобы не отойти в сторону, не избавиться от моего присутствия. И внутри меня растекалось удовольствие, поэтому и шла я нарочито медленно. К сожалению, из-за перчаток и одежды, эмоции Айриса сглаживались, были не такими острыми. Иначе я, наверное, задохнулась бы от их силы.

Курьер помог мне устроиться в машине. Спустя несколько мгновений и сам сел рядом, стараясь держаться как можно дальше. Вот только полицейские машины были не настолько просторными. Думаю, если бы у Айриса был выбор, он предпочел бы ехать снаружи, привязанным к крыше.

Пол под ногами мелко завибрировал – это активизировался магический генератор.

– Центральный городской парк, – произнес Айрис. Меня слегка утопило в сиденье – машина тронулась с места.

До самого места преступления ехали молча. Расспрашивать курьера о подробностях дела было бессмысленно – он бы все равно ничего не рассказал. Во-первых, это не входило в его обязанности, а во-вторых, промолчал бы чисто из вредности. А зачем лишний раз давать Айрису повод утереть мне нос? Ничего, потерплю.

Машина мягко остановилась. Я дождалась, когда курьер откроет дверь с моей стороны и подаст руку. Воздух был пропитан влагой. Ее мельчайшие капли неприятно ложились на лицо. Не дождь. Возможно, туман. Было холодно и противно.

– Сюда, – произнес Айрис, словно я могла видеть.

В ответ только склонила голову набок, как бы спрашивая:

– Ты серьезно?

Мою ладонь тут же положили на локоть. Мы шли медленно. Скоро каменная дорожка под ногами закончилась, сменившись чем-то мягким.

– Земля, – догадалась я. – Мокрая и грязная.

Пару раз поскользнулась, но Айрис удержал меня от падения.

– Следователь Оллир, – выкрикнул курьер. Я поморщилась от громкости его голоса. Мы, наконец, остановились. До

меня донесся хлюпающий звук шагов – широких и уверенных. И он приближался.

– Эста Рин, доброе утро, – поздоровался следователь. В голосе была холодная вежливость и ничего больше. Он давно смирился с тем, что был вынужден работать с видящим.

– Вы полагаете, утро, когда вас вызывают работать с трупом, можно назвать добрым? – усмехнулась я.

Следователь заговорил не сразу. Прошло несколько секунд, прежде чем он произнес:

– Идемте. Я провожу вас к месту преступления, эста Рин. Мою ладонь резко пристроили на локоть. От Оллира несло глухим раздражением, но не только им.

– Позвольте полюбопытствовать, вы так недовольны, потому что приходится с утра пораньше лицезреть меня или потому что пришлось раньше времени покинуть постель невесты? Скажу вам по секрету, у нее ужасные духи, – произнесла я самым светским тоном, словно говорила о погоде.

– Вы, как всегда, милы, эста Рин, – съязвил в ответ следователь.

– Благодарю, – вернула ему колкость с улыбкой и решила, что на этом достаточно любезностей. – Просветите меня насчет преступления?

– Убийство, – тут же отозвался Оллир.

– И что в нем особенного, если вам понадобилась я?

– Убит маг. Катир Алий.

– Никогда о нем не слышала.

Мы остановились.

– Он преподавал в городской магической школе. Специализировался на артефактологии.

– Где он? – спросила хладнокровно. Мне не было никакого дела до личности жертвы. Хотелось поскорее закончить неприятную процедуру и вернуться домой.

Мы прошли еще несколько шагов. Моя ладонь соскользнула с локтя следователя. Я глубоко вдохнула воздух, пропахший сырой землей, тиной и древесной корой.

– Мы возле озера? – уточнила у Оллира.

– Да, – коротко ответил он.

Еще один глубокий вдох, медленный выдох – и мир подергивается белесой дымкой. Я больше не слышу ни дыхания следователя, ни тихих разговоров других полицейских, медленно погружаясь в момент преступления. Если жертву убили здесь и сравнительно недавно, то это место еще помнит подробности.

...Темно. Ночь. Но слабый свет луны позволяет увидеть размытую фигуру, стоящую на берегу озера. Я не вижу лица, но знаю, что это мужчина. Он прячет руки в карманах короткого пальто. В воздухе застыло ожидание. Появляются шаги. Быстрые, нетерпеливые, рваные. Вторая фигура ниже ростом. Нервничает. Короткий разговор. Слов не разобрать. Высокий достает из кармана сверток. Не сразу, но передает его низкому. Тот тут же прячет вещь во внутренний карман пальто. После пристально смотрит на собеседника. Сомне-

вається... Боїться... Решається. Толчок – и високий с коротким криком летит в озеро. Низкий делает два шага от берега, но совсем не уходит, наблюдая, как жертва в отчаянии беспорядочно бьет руками по воде, все чаще и чаще исчезая под ее толщей. Крики становятся реже, пока не стихают совсем. Ночной парк снова погружается в тишину. Убийца пятится назад. Чувствую его острое сожаление и вину. Но они быстро сменяются спокойствием...

Возвращаться в реальность всегда непросто, поэтому я выдержала долгую паузу. Мне это было нужно, чтобы привести в порядок собственные чувства и отделить их от эмоций жертвы и убийцы. Оллир терпеливо ждал – он привык.

– Он не умел плавать. Убийца это знал, поэтому назначил встречу у озера. Перед смертью убитый что-то ему передал.

– Что? – тут же ухватился следователь за последние слова.

– Не знаю. Сверток. Небольшой. Умещается в кармане.

– Артефакт, – задумчиво произнес Оллир.

– Убийца был ниже жертвы. Но это мужчина, – проигнорировала я высказывание полицейского. – Он нервничал, когда шел на встречу, но не до конца был уверен, что хочет убить. Сомневался до последнего, но ушел не сразу – убедился, что этот маг утонул.

– Что-то еще? – спросил следователь, поняв, что продолжения не будет.

– Нет. Это все.

– Маг торговал запрещенными артефактами?

– Этот вопрос не ко мне.

– Эста Рин, вы можете узнать, кого он ждал? – нетерпеливо спросил Оллир.

Я предпочла бы ответить категоричное: «Нет!» Но, увы, вопрос был риторическим. Впрочем...

– Я могу попробовать, – произнесла, ничего не обещая.

Всегда ненавидела в школе практические занятия по криминологии. Никогда не забуду, когда впервые прикоснулась к трупу. Мертвенный холод, обреченность и дикий страх. За собственный крик я была наказана – ночь в морге в полном одиночестве. Мне тогда было тринадцать. Я забилась в угол и, обняв колени, плакала несколько часов. А потом поняла, что если утром меня найдут в таком состоянии, то наказание последует куда страшнее, поэтому остаток ночи провела в тесном общении с трупами – пыталась «увидеть» момент их смерти. Хорошо, что получалось далеко не всегда: навыков не хватало. Но и того, что я увидела, обычному человеку вполне хватило бы, чтобы заработать сердечный приступ и не один.

Я вынырнула из воспоминаний, обнаружив себя на корточках. Тело, лежащее на земле, выглядело для меня бесцветным пятном, разве что чуть светлее других из-за цвета защитного покрывала. Послышался шорох. Кто-то приподнял его, позволяя мне «лицезреть» жертву.

– Что-то не так? – услышала над головой насмешливый тон Оллира. Отвечать не стала – слишком много чести. Вме-

сто этого я медленно, растягивая каждое мгновение, сняла перчатку с правой руки. Пальцы сначала коснулись мокрой грубой ткани, заскользили выше, пока не уперлись в застывший ледяной подбородок, вызывая перед глазами яркую вспышку.

...Он спешит, часто оглядывается, зябко ежится. Даже поднимает воротник, чтобы согреться. Не понимает, почему клиент назначил встречу в таком месте и в такое время. Лезть в грязь не хочется, поэтому маг недолго топчется у края дорожки, прежде чем сойти с нее и углубиться в деревья. Раздражение растет, медленно перерастая в злость. Дойдя до озера, он проверяет карман. Заказ на месте. Осталось вручить его клиенту, получить деньги и вернуться домой. Но тот опаздывает. Маг нервничает и злиться. Он терпеть не может непунктуальных людей. Да и холод, который уже давно пробрался под пальто, не добавляет радужности настроению. Наконец, до его слуха доносятся шаги. Среди деревьев в свете тусклой луны мелькает темная фигура. Маг облегченно выдыхает – скоро все закончится. Прежде чем передать заказ, он сомневается. Слишком нестандартным было требование заказчика. Но мысль о деньгах перевешивает. Сверток передан. Осталось получить оплату. Клиент платить не спешит, глядя на него. У мага появляется недоброе предчувствие, но уже поздно. Удар в грудь и он летит в озеро. Страх. Ужас. Они сковывают его подобно крепким путам, мешая связно мыслить. Боль в легких. немеют руки, устав молотить

по воде. Мокрая одежда тянет на дно. И он сдается...

Я моргнула и убрала руку от лица жертвы, разрывая связь. Медленно поднялась и неспешно натянула перчатку, чувствуя, как сильно замерзли пальцы. Впрочем, я вся замерзла. И не только из-за погоды.

– Ну что? – поторопил меня Оллир.

Прежде чем ответить, я сначала стряхнула с рукава невидимую соринку и поправила воротник пальто. От следователя пришла волна нетерпеливого ожидания и раздражения.

– Если он и знал имя того, с кем встречался, то думал о нем исключительно в статусе «Заказчик». И да, он собирался продать ему какой-то заказ. За весьма приличную сумму. И заказ этот был не совсем стандартным.

– Что это значит? – в голосе Оллира появилось напряжение.

– Не знаю. Так думал убитый.

– А как выглядел заказ? Это был артефакт?

– Не имею ни малейшего понятия, – с удовольствием разочаровала я следователя.

– Есть что-то, что вы, эста Рин, еще не сообщили мне?

– Нет. Это все, что я могу вам сказать.

– Айрис, – тут же выкрикнул Оллир, заставив меня вздрогнуть. Он не желал больше ни секунды находиться рядом со мной. – Проводи эсту Рин домой. Когда вы нам понадобится, мы сообщим.

Моя ладонь легла на напряженный локоть курьера. К ма-

шине мы шли быстрее, чем от нее. Да и обратная дорога домой показалась куда короче. Там меня поспешно довели до крыльца и, попрощавшись сквозь зубы, удалились. Но день только начинался. И внутри меня ждала Тайрин, ярко излучающая страх и брезгливость. У порога я сняла пальто, шляпку и сапоги. Перчатки остались при мне. В гостиной было тепло, и я повернулась к его источнику. Домработница уже растопила камин. Сама же активно гроыхала кастрюлями на кухне. Я устроилась в кресле поближе к огню: слишком замерзла во время вынужденной прогулки по парку. Жар уверенно коснулся моих стоп, отогревая их и медленно поднимаясь выше. Захотелось закрыть глаза и вздремнуть. Но Тайрин...

– Ты решила разгромить всю кухню? – холодно спросила я, чуть повернув голову в ее сторону.

– Я готовлю обед, – она старательно пыталась спрятать недовольство.

– Для этого обязательно швырять кастрюли об стены? – от моего спокойствия веяло ледяным бешенством.

– Я не швыряю. Всего лишь взбивала яйца, – оправдывалась Тайрин.

– Делай это потише. Я не люблю громких звуков, – вежливая просьба скрывала приказ.

Домработница не ответила. Но погром прекратился. Я довольной закрыла глаза, тут же отгородившись от эмоций и чувств Тайрин. За окном снова начался дождь.

Глава 2

Было холодно и страшно. Где-то рядом капала вода. Откуда-то дуло, заставляя обнимать себя за плечи в бесполезных попытках согреться. Что-то шуршало, пищало и скреблось то с одной стороны, то с другой. А еще запах. Нет, вонь: сырость, затхлость, грязь и гниение. Меня трясло. От обиды, жалости к себе, страха и пронизывающего холода. Ноги были словно во льду. Да и вся я, казалось, давно покрылась изморозью. Мне даже не позволили одеться и не дали ни одеяла, ни пледа, чтобы можно было в них завернуться и переждать, наверное, самую долгую ночь в моей жизни. Впрочем, после их было немало. Меня наказывали. И за что? За тоску по семье. Я не смогла скрыть ее во время проверки у наставника. Да и как бы мне, девятилетнему ребенку, это удалось?..

Я проснулась от того, что громко стучали зубы. Меня трясло. Пальцы сжимали одеяло с такой силой, что немели кисти. Сердце колотилось как сумасшедшее. Я хватала ртом воздух и никак не могла надышаться. Потребовалось немало времени прежде, чем до меня дошло, что все это был только сон. Страшный, не в меру реальный, но все же сон. Меня начало медленно отпускать. Сначала разжались пальцы. За ними сердце умерило свой бег. Затихли зубы. А вот холод уходить не собирался, просачиваясь под кожу и замораживая

все мое нутро. Я поплотнее завернулась в одеяло и закрыла глаза. Рассвет уже скоро. Не зря говорят, что перед ним всегда сняться самые яркие кошмары. Впрочем, мой сном не был.

Когда пришла Тайрин, я уже надевала шляпку. От домработницы пахло удивлением.

– Вы уходите? – спросила она без приветствия, но с плохо скрытой надеждой.

– Прогуляюсь, – ответила я, расправляя вуаль.

– Надолго?

– Сколько потребуется.

Кожу кольнуло раздражение Тайрин. Что ж, день начинался весьма неплохо.

Дождя не было, но дул пронизывающий холодный ветер, донесший до меня запах снега вперемишку с дымом. Я поправила воротник пальто и не спеша спустилась с крыльца. До калитки было двадцать шагов. Вымощенная гладким камнем дорожка позволяла пройти их без труда. А вот за забором начинались сложности. Частые дожди размыли дорогу. Узкий тротуар утопал в лужах. Но деваться было некуда. Выйдя за калитку, я остановилась и медленно повела глазами по улице. Дома выглядели для меня огромными темными пятнами. Голые деревья и кусты – пятнами поменьше. Людей на улице не было. В такую погоду и выходить-то лишний раз без особой надобности лень. А те, кто работал, уже давно разъехались или разошлись. Но оно и к лучшему – не будет

любопытных и недовольных глаз.

Если бы не одно очень важное дело, я бы тоже сейчас предпочла сидеть у камина с чашкой лаффе, слушая неспешное и печальное пение знаменитой Ларин Ольтар. Это была, пожалуй, единственная привычка, привитая мне в спецшколе, за которую я была благодарна. Уроки музыки стали светлой отдушиной во мраке школьной жизни. Ведь нас натаскивали не только на то, чтобы «видеть» и «слышать» эмоции, чувства, события. Мы должны были выпуститься разносторонними личностями, с которыми можно и на бал, и на войну. Мне танцевать после школы как-то не доводилось, а вот те, кого отправляли на работу в дипломатические корпуса, регулярно мелькали на увеселительных мероприятиях. Но не развлечения ради. Там они ни на минуту не забывали о том, кем являются и чего от них хочет империя: секретные данные, тайные мысли, обличение лжи и пороков государственных мужей. Причем не только нашего государства. Не даром же пятилетнее вялое противостояние с Даргайским княжеством вдруг закончилось внезапным примирением и даже сотрудничеством. А ведь уже к войне готовились, войска к границе стягивали. А оно вон как обернулось. Явно кто-то из наших поработал на славу, добыв очень важные, нужные и, главное, своевременные сведения про какого-то весьма высокопоставленного даргайца, если вообще не самого князя. Да, могло быть и такое. Я была несказанно счастлива, что меня сия чаша миновала. Окажись мои способно-

сти на уровне высших, то быть мне личной шпионкой императора. А так... Скромно помогаю при расследовании особо тяжких и необычных дел.

Я проверила карман. Кристалл записи был на месте. Осталось только отправить то, что было на нем. Лежа сегодня после кошмара без сна, я вдруг вспомнила, что мамины родители жили в Линсте – небольшом городке на севере. Мы с ними почти не общались. Впрочем, мы вообще во времена моего детства ни с кем не общались. Даже дом наш стоял на окраине, особняком от остальной деревни. Так родители пытались уберечь меня от любопытных глаз. Но и это не помогло. Кто-то все же донес, что в деревне живет слепая девочка. Знала бы, кто, задушила бы собственными руками, и тела бы потом не нашли. Уже допивая на кухне утренний лаффе, я решила попытать счастья и отправить запрос в Линстский архив. Вдруг родители с братом переехали туда. Конечно, можно было бы сделать это из дома, передатчик у меня имелся, но с общего пункта отправки было как-то спокойнее.

Лужи и грязь под ногами не давали идти быстро. И хотя я не видела их, но слышала противное хлопанье. Хорошо хоть сапоги были добротные и не промокали. Когда я добралась до пункта связи, там уже собрался народ. Перешагнув порог, остро ощутила сначала чужое любопытство и тут же – страх. Остановилась, переводя дыхание. С прошлых визитов я помнила, что здесь три окна. От ближайшего ко мне темное пятно медленно пятилось назад. Иногда репутация

видящих была на руку – не придется стоять в очереди.

Я решительно подошла к окошку и положила на стойку круглый кристалл записи и бумажку с адресом.

– Мне нужно отправить вот это.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Даже передатчики, казалось, перестали мерно попискивать и затаились. От оператора пришла волна удивления, смешанного со страхом и любопытством. Я слышала, как зашуршала бумага, – мой заказ приняли. Ждать пришлось недолго.

– Ваше сообщение отправлено, – дрогнувшим женским голосом произнес оператор. – Приложите ладонь к терминалу для оплаты.

Я уже предвкушала эмоции людей, что притаились за спиной. С трудом пряча улыбку, медленно, палец за пальцем, сняла перчатку, сжала и разжала кулак, разминая кисть. По спине тут же прошелся мороз – ужас, исходящий от посетителей и операторов пункта. Но была еще одна эмоция, которая меня удивила, – любопытство. Детское. Я чуть повернула голову, но, конечно же, не смогла разглядеть того, кому оно принадлежало. Ладно, хватит разыгрывать спектакль. Мне тоже не доставляло особого удовольствия находиться среди всех этих людей с их страхами, низменными мыслями и желаниями. Я приложила ладонь к терминалу оплаты. Он негромко пискнул. Кожа слегка нагрелась и по ней прошелся вихрь тонких иголочек. Но это длилось мгновение.

– Оплата принята, – сообщила оператор недовольно.

– Спасибо, – я медленно натягивала перчатку.

Ответом мне стала тишина. Что ж, не привыкать.

Оказавшись на улице, я с удовольствием вдохнула полной грудью стылый весенний воздух. Как из затхлого подвала выбралась. Домой возвращаться не спешила. Там меня ждали только одиночество и недовольство Тайрин. Но когда рука коснулась дверной ручки, я почувствовала присутствие кого-то еще, точнее его удовольствие, а перешагнув порог, услышала смех и голоса: один – домработницы, а второй -...

– Айрис, – констатировала я факт, закрыв за собой дверь и почувствовав запах мясного пирога и чая.

– Эста Рин, – испуганно ответил курьер, словно его застали за чем-то постыдным. Впрочем, и такое могло быть. Я же все равно ничего не видела.

– Чем обязана? Опять кого-то убили или ограбили? – холодно спросила, не спеша раздеваться.

Айрис ответил не сразу.

– У нас есть подозреваемый по последнему делу. Вам необходимо присутствовать при его допросе.

Прежде чем ответить, я выдержала паузу, словно раздумывала, стоит ли ехать.

– И чего вы ждете, Айрис? Или предпочитаете остаться здесь и развлекать мою прислугу?

Злость Тайрин вспыхнула огненным цветком. Раздражение курьера слегка кольнуло меня. А вот его смущение ласково скользнуло по коже и тут же растаяло.

– Идемте, – произнес Айрис сквозь зубы.

Жутко не хотелось снова выходить на улицу. Я так мечтала залезть под горячий душ. Но увы, долг... От него никуда не деться.

В отделении городской полиции как всегда было суетно. Эмоции сотрудников, свидетелей и подозреваемых смешивались в непередаваемый коктейль: злость, страх, усталость, недовольство, апатия. Меня провели в кабинет Оллира, где я смогла, наконец, незаметно выдохнуть.

– Эста Рин, добрый день, – поприветствовал меня следователь. – Айрис не отвлек вас от важных дел?

– Нет, что вы. Я была абсолютно свободна, – светским тоном ответила я.

– Жаль, – вздохнул Оллир, заставив меня хмыкнуть.

– Говорят, у вас есть подозреваемый по делу убитого мага.

– Есть. Он ждет допроса.

Я принялась расстегивать пальто. Вешалка стояла слева. Это я хорошо помнила. Шляпку пристроила на верхний крючок.

– Просветите, кто он? Или она?

– Это он, – живо откликнулся Оллир. Смазанным темным пятном он сидел за столом на фоне окна. – Калин Лойр. Шестнадцать лет. Ученик убитого.

Я чуть склонила голову на бок, выражая удивление и сомнение. Уж слишком юн. Впрочем, мотив мог быть вполне очевиден – жестокость учителя. Я бы своего наставника с

удовольствием отправила на вечное общение с предками.

– Что-то не так? – следователь заметил мою реакцию.

– Ученик убил учителя, – произнесла я спокойно.

– И? – не понял Оллир.

Я не стала дожидаться, когда мне предложат стул, поэтому прошла и устроилась на том, что всегда стоял перед столом следователя.

– Как это вяжется с тем, что убитого с убийцей связывал какой-то заказ?

– Дело в том, что личность Лойра не так проста, – пятно напротив меня покачнулось. – Он не был зубрилой и вообще был далек от образца ученика.

– Это повод подозревать его в убийстве? – усмехнулась я, закидывая ногу на ногу.

Оллир помолчал пару секунд. От него пришла волна досады. Настолько легкая, что я засомневалась, а не показалось ли мне.

– Лойр был замечен в краже артефактов. Ничего опасного. Так, по мелочи. А еще он однажды исправил свои отметки в журнале. И теперь находится на грани отчисления.

– Все еще не вижу связи. Он был на грани отчисления и заказал убитому артефакт? – усмехнулась я. – Я, конечно, могу предположить, что убил он мага, чтобы не платить. Потому что подобные услуги весьма недешевы. И все же...

– Катир Алий тоже не был образцовым педагогом, – сообщил следователь. – Когда-то он преподавал в столичной

Академии Магии, а пять лет назад переехал в наш город и устроился в магическую школу.

– Почему нет? Устал от столичной жизни. Захотелось покоя и умиротворения, – пожала я плечами.

– Отнюдь, – легко разрушил мою версию Оллир. – Он брал взятки.

– И до сих пор был жив и не на горных шахтах? – удивилась я.

– Дело в том, что Алий был каким-то дальним родственником ректора Академии. Поэтому это дело быстро замяли, а его самого сослали к нам в Номин.

– Здесь он тоже брал взятки?

– Неизвестно. Но у него были частые конфликты с учениками и их родителями, а также с некоторыми преподавателями. Да и вообще Алий был нелюдим. С соседями не общался. Подружки у него не было. Впрочем, как и жены и детей.

Я задумалась. Жизнь убитого сильно смахивала на мою. Вот только мне приходилось так жить, а что заставило его сделать выбор в пользу затворничества? Явно пристрастие к темным делишкам. Вполне возможно, что этот маг торговал запрещенными артефактами. И все же мне было непонятно...

– Какой, по-вашему, артефакт ученик мог заказать убитому? – спросила я, склонив голову на бок в ожидании ответа.

– А вот это мы сейчас и попробуем выяснить с вашей помощью, эста Рин.

Пятно напротив поднялось и двинулось ко мне, обходя стол. Я тоже встала. Мою руку устроили на локте и вывели в коридор.

Я старалась смотреть прямо перед собой. Слишком много мельтешащих пятен вызывали приступ тошноты. А еще их эмоции. Пришлось выставить щит, отгораживаясь. Хорошо, что идти было недалеко.

В допросной комнате пахло потом и пылью. Я поморщилась, останавливаясь на пороге.

– У вас здесь когда-нибудь убирают? – спросила недовольно.

– Редко, – ответил Оллир. – Некогда. Преступников слишком много. Допросы проходят часто.

Я убрала руку с локтя следователя и прошла в угол комнаты, где обычно сидела на жестком неудобном стуле. Там, в полумраке, меня допрашиваемые не видели до тех пор, пока им не сообщали о моем присутствии. На всякий случай смахнув со стула пыль или что там еще могло быть, я села, скрестив руки на груди и выражая полную готовность к работе.

– Приведите Калина Лойра, – крикнул кому-то следователь. Пока ждали, молчали оба. От Оллира исходило предвкушение вперемешку с азартом. Он собирался выбить из парня признание и быстро закрыть дело. Хотя я никогда не замечала его в несправедливости. Впрочем, многие меняются со временем и рано или поздно начинают идти по пути

наименьшего сопротивления.

Дверь открылась. В ярком пятне света появились двое: один чуть поменьше, другой – высокий. Мелкого усадили на стул. Я сняла ментальный щит, сосредотачиваясь на подозреваемом. Ни капли страха, волнения или вины. А вот азарта, неприязни и предвкушения – с лихвой. Интересно!

– Думаете, вам это сойдет с рук? – голос у парня был низкий и самодовольный. – Да вы знаете, кто мои родители?

– Да, я изучал твое личное дело, – спокойно ответил Оллир, но внутри него поднялось раздражение. – Но если твоя вина будет доказана, родители не смогут тебе помочь. Разве что адвоката хорошего наймут. А за сотрудничество со следствием срок могут и уменьшить.

Калин хмыкнул.

– Я не убивал этого идиота, – заносчиво заявил он.

– Где ты был в ночь с третьего на четвертое?

– Не помню.

Ложь. Но я не шелохнулась.

– Напряги память. Возможно, ты был занят убийством своего учителя?

– Ха, где доказательства?

Калин явно чувствовал свою безнаказанность.

– О чем ты разговаривал с ним накануне? Вы шептались в коридоре школы.

– Не ваше дело.

– Я смотрю, тебе совсем не дорога свобода, – пришел к

выводу следователь.

– У вас на меня ничего нет.

– А у тебя нет алиби на момент убийства. Это повод задержать тебя здесь подольше.

– Не выйдет. Скоро здесь будут мои родители. И вам не поздоровится, – нагло заявил подозреваемый.

– Что ж, тогда ускорим процесс, пока они не появились, – с притворным сожалением вздохнул Оллир.

Калин насторожился, но продолжал свое бахвальство.

– Будете пытаться меня? Не имеете права.

– Пытки запрещены законом, – спокойно ответил следователь. – Но я знаю, кое-что получше.

– Что? – усмехнулся парень.

– Ты когда-нибудь имел дело с видящими?

От Калина пришла такая волна ужаса, что мое горло сдавило спазмом. Пришлось срочно выравнять дыхание.

– Не имеете права! – выкрикнул он.

– Имею. Полное. Так что? Сам расскажешь или попросим эсту Рин тебе помочь?

– Кого? – не понял подозреваемый.

Я поднялась со своего места и вышла на свет. В допросной повисла тишина. Калина охватила паника.

– Я не убивал учителя Алия, – тут же выпалил он.

– Где ты был в ночь с третьего на четвертое?

– На кладбище.

– Интересно. И что ты там делал?

– С друзьями встречался. Мы часто туда ходим, посидеть, выпить, – я склонила голову на бок. Немного успокоившийся Калин вновь запаниковал. – Это правда. Спросите Гайса и Тарию.

– О чем вы разговаривали с магом Алием?

– О моих оценках. Я спрашивал, как их исправить.

– Ложь, – выплюнула я короткое слово.

Меня охватил вихрь ледяного ужаса, пришедшего от парня.

– Ай-яй-яй, – произнес Оллир. – Обманывать нехорошо. Тем более видящих. Может, мы позволим эсте Рин поработать над тобой более тесно?

Калин молчал и трясся от ужаса. Мне было его совсем не жаль.

– Эста Рин? – обратился ко мне следователь.

– С удовольствием, – произнесла я довольно, снимая перчатки.

Мои пальцы почти коснулись затылка парня, когда дверь открылась и грубый мужской голос резко произнес:

– Допрос окончен. Эст Лойр едет домой.

Я опустила руку и замерла в ожидании реакции Оллира. От него пришла волна возмущения и негодования. Что ж, понять его было несложно.

– Адвокат Найрик, – процедил следователь сквозь зубы.

Похоже, родители парня были весьма состоятельными. Найрик считался лучшим правозащитником с мертвой хват-

кой. Потому и стоимость его услуг почти достигала неба. Похоже, скоро мое утреннее желание исполнится и я, наконец, устроюсь перед камином с чашкой лаффе.

– Вы привлекли видящую? – раздался визгливый женский голос. Я недовольно поморщилась.

– А вы кто? – грубо спросил Оллир.

– Я кто? – задохнулась женщина от возмущения. – Я мама Калина. По какому праву его допрашивает видящая?

– Ваш сын – подозреваемый, – пояснил следователь уже спокойнее.

– И вы можете предоставить улики? – с насмешкой спросил Найрик.

– Его что-то связывало с убитым Катиром Алием.

– Конечно, он был учителем Калина, – высокомерно заявила женщина.

– Было что-то еще, о чем ваш сын отказывается говорить.

– Калин, мы уходим, – безапелляционно произнес Найрик. – Если у вас, следователь Оллир, будут вопросы к моему клиенту, просьба допросы проводить только в моем присутствии. И при условии неопровержимых доказательств вины эста Лойра. Всего доброго!

Хлопнула дверь и допросная погрузилась в тишину. От Оллира волнами шли гнев и бешенство.

– Думаете, он мог убить мага? – решила я разрядить обстановку.

– Он солгал, – напомнил следователь и, помолчав, доба-

вил:

– Эста Рин, вы сможете «увидеть» их разговор?

Я с силой заставила себя остаться невозмутимой. Снова прикасаться к трупам – сомнительное удовольствие.

– Как давно он был?

– Дарис Контер, учитель истории магии, сказала, что видела их не далее, как накануне убийства.

Я готова была застонать в голос. Если бы разговор состоялся пару недель и больше назад, то можно было бы с чистой совестью отказаться, потому что в таком случае я бы «видела» только картинку, но без звука. А так...

– Хорошо. Я могу попробовать, – согласилась снисходительно.

– Тогда идем в морг, – обрадовал меня Оллир.

Но ушли мы совсем недалеко – всего каких-то несколько метров.

– Следователь Оллир, – раздался за спиной мужской молодецкий голос.

– Да? – остановился и развернулся мой сопровождающий.

– Еще одно убийство, – сообщил полицейский. А я почувствовала его неуверенность и настороженность. – Магисса Анари Вернита.

Оллир тяжело вздохнул.

– Что-то маги мрут как мухи в последнее время, – мрачно произнес он. – Что ж, придется Катиру Алию подождать немного.

А я и не возражала.

– Идемте, эста Рин. Вы нам понадобятся, – добавил следователь, поспешно уводя меня дальше по коридору.

Мда, видимо не судьба мне сегодня насладиться музыкой, теплом и лаффе.

Глава 3

До места преступления ехали в одной машине с Оллиром. Оба молчали. Но я чувствовала, как напряжен был следователь. Интересно, почему? Ведь магов убивают не впервые. И часто по вполне обычным причинам: ревность, зависть, злость. Может, и тут эта магисса помешала конкурентам?

Оллир помог мне выбраться из машины. Я зябко поежилась от сырого ветра.

– Не любите весну, эста Рин? – насмешливо спросил следователь, ведя меня по тротуару.

– Не люблю сырость и холод, – ответила равнодушно.

– Прошу.

Я поняла, что передо мной открыли дверь, и едва перешагнула порог, как тут же задохнулась: от боли, животного ужаса и ослепляющего отчаяния. Они принадлежали не мне, но легче от этого не становилось. Откуда-то издалека, словно через толщу воды, я услышала голос Оллира:

– Эста Рин? Эста Рин, вы в порядке? Что с вами?

Вместо слов из горла вырвался хрип. Чьи-то руки держали меня, не давая упасть. Я была на грани потери сознания: настолько сильные витали в воздухе эмоции. И принадлежали они жертве.

– Как?... – с трудом выдавила я из себя, задыхаясь и пы-

таясь удержаться от потери сознания. – Как она умерла?

Следователь ответил не сразу. Его руки все еще были на моей талии, за что я была ему безмерно благодарна.

– Я еще не успел даже тело осмотреть, – признался он. Я кивнула, принимая объяснение и медленно возвращаясь к реальности. – Что вы увидели?

– Я не увидела, – выдохнула, закашлявшись. – Я почувствовала. Смерть магиссы была страшной.

– Может, вам предложить стул, эста Рин? – спросил Оллир, и от него пришла волна беспокойства, которая мягко обняла меня. Это было непривычно. Я не знала, что делать с ней, поэтому выпрямилась и сделала шаг в сторону. Мою талию отпустили.

– Нет, не стоит. Давайте закончим здесь все, – горло еще сдавливал спазм, поэтому говорить приходилось с трудом.

– Как скажете, – ответил Оллир и крикнул куда-то в сторону:

– Линрен! Что здесь?

Спустя несколько секунд к нам приблизилось пятно. Оно держалось настороженно и заговорило не сразу.

– Убитая магисса Анари Вернита была владелицей этого магазина. Ее нашел продавец, который работал здесь. Утром пришел на работу, а здесь все разгромлено и сама хозяйка лежит на полу мертвая.

– Как она умерла?

Линрен снова выдержал паузу.

– Ее высосали. Всю. Досуха.

Я резко повернула голову в сторону полицейского, надеюсь, что ослышалась или неправильно поняла. Оллир озвучил мои мысли:

– Что значит «высосали», Линрен?

– Ее силу. Она... Она похожа на мумию. Ей было шестьдесят четыре года. А выглядит так, как будто уже глубокая старуха.

Меня затошнило. Конечно, мы с магами были не то, чтобы врагами, но старались лишний раз не соприкоснуться. Они не любили нас так же, как простые люди. И эти чувства были взаимны. И все же я ни одному из них никогда не пожелала бы такой страшной смерти. Одно дело, когда магов лишают силы за какие-то преступления, но при этом оставшийся их уровень позволяет работать с простейшими бытовыми заклинаниями, например, разжечь огонь, подпитать светильник или подлечить растение. А тут магиссу выпили полностью. Теперь мне стали понятны ее эмоции в момент смерти.

– Кто-нибудь что-нибудь видел? – сквозь мысли услышала я Оллира.

– Нет. Вчера эст Силд ушел поздно. Они с убитой занимались инвентаризацией. Она еще оставалась здесь.

– Кого-то ждала?

– Нет, заканчивала дела. Говорила, что оставалось немного. Максимум на полчаса работы. И судя по ее одежде, убийца как раз застал ее уходящей.

– Что еще известно о ней? Семья, дети?

– Не замужем. Но есть жених. Некий Тивел Гроус. Препо-
дает стихийную магию в магической школе.

– Хм. Снова магическая школа, – задумчиво произнес Ол-
лир. – Давно они были в отношениях?

– Эст Силд сказал, что года два. И отношения эти были
непростые. Они часто ссорились. Убитая часто из-за этого
плакала. Вот и не далее, как позавчера, они снова поруга-
лись. Он приходил сюда. И эст Силд слышал, как они кри-
чали в кабинете.

– Причина ссоры? – отрывисто спросил следователь, и я
почувствовала его предвкушение.

– Убитая обвиняла его в том, что он мало уделяет ей вни-
мание. И вообще, – полицейский выдержал паузу, словно
был не уверен, стоит ли продолжать, – она подозревала его
в изменах.

Оллир тяжело вздохнул. Подобная ситуация была знако-
ма ему не понаслышке. Невеста следователя ревновала его
к каждому столбу, часто закатывая истерики. Пару раз да-
же в моем присутствии в полицейском управлении. Мне то-
гда пришлось срочно выставлять ментальный щит: настоль-
ко острыми и сильными были ее эмоции.

– Вряд ли он убил ее из-за этого. Да еще и таким жутким
способом, – устало произнес следователь. – Но допросить его
стоит. Адрес есть?

– Сейчас выясним, – живо отозвался Линрен.

– Хорошо.

Полицейский смазанным пятном растворился среди таких же.

– Эста Рин, вы уже пришли в себя? – обратился ко мне Оллир.

– Вполне.

– Что думаете?

Он редко спрашивал моего мнения, но удивление я постаралась скрыть.

– Мог ли жених убить невесту из-за того, что они поругались? – уточнила, расстегивая пальто. В магазине было душно.

– Да.

– Мотив мог быть и другим. Мало ли что еще их связывало? Но чтобы убить таким способом, нужен очень весомый повод. Да и специальные умения.

– Согласен. Готовы поработать с телом?

И что это мы сегодня такие внимательные и обходительные? Настораживало. Но вслух я ответила:

– Да. Да, я готова.

– Осторожно, под ногами много осколков и обломков мебели и товара, – предупредил Оллир, медленно ведя меня по магазину. Весьма своевременно. Я чуть не упала, поскользнувшись, но следователь успел дернуть меня вверх, ставя на ноги.

– Почему тут все в таком состоянии? Они боролись? –

спросила, осторожно ступая дальше. Под сапогами что-то хрустело.

– Когда мага насильно лишают силы, происходит большой выброс энергии. Он-то и стал причиной разрухи, – пояснил следователь. – Пришли. Тело магиссы у вас под ногами, эста Рин. Мда, судя по всему, со своей силой она расставалась крайне неохотно.

– Почему вы так решили, Оллир? – спросила я, снимая перчатки. Руки мужчины тут же отпустили мой локоть, обдав волной не страха, но напряжения.

– Знаете, эста Рин, – произнес он, вздохнув, – сейчас я завидую тому, что вы не можете видеть.

Я повернула голову в сторону следователя. Странное признание. Но уточнять ничего не стала. Вместо этого я медленно опустилась на корточки, все еще помня эмоции, что охватили меня на входе. Поэтому и к убитой прикасаться не спешила. Оллир молча и терпеливо ждал. Ни насмешек, ни язвительных замечаний. Видимо, все было слишком серьезно.

Я осторожно протянула руку, пытаясь нащупать тело. Пальцы коснулись волос. Они были сухими и жесткими. Странно! Анари Вернита по магическим меркам была дамой в самом расцвете сил. И вряд ли она настолько не следила за своей внешностью. Кто-кто, а магиссы в этом вопросе очень щепетильны. Рука двинулась дальше, путаясь в редких прядях, пока не уперлась в мягкую, но плотную ткань. Возможно, это было пальто. Спустя мгновение, я поняла, что кос-

нулась рукава. Медленно провела пальцами ниже. Кожа магиссы была ледяной и высохшей. Словно ее убили не сегодня ночью, а несколько недель или месяцев назад. Прикасаюсь к ней было неприятно, и я с трудом сдержала брезгливую дрожь. Глубоко вдохнув, постаралась расслабиться и опустила ментальный щит. Меня ослепила яркая вспышка, а тело пронзила настолько острая боль, что я вскрикнула и погрузилась во тьму. В себя пришла от того, что меня трясли за плечи и что-то говорили. Наконец, в сознание с трудом пробился голос Оллира:

– Эста Рин, вы в порядке? Как вы? Вам нужна помощь врачей? Эста Рин, вы меня слышите?

– Я... Что случилось?

Мне помогли подняться на ноги.

– Вы закричали и потеряли сознание. Что вы увидели?

– Ей было больно, – с трудом выдавила я из себя, с содроганием вспоминая короткий контакт. – И очень страшно.

– Она знала убийцу?

– Я не успела это увидеть, – призналась хрипло.

– Попробуете еще? – осторожно спросил следователь. –

Нам нужно знать, что произошло.

Мне хотелось оттолкнуть его и сбежать, но вместо этого я собрала всю волю в кулак и кивнула. Меня снова подвели к телу. Пришлось силой заставить себя прикоснуться к нему. Какое счастье, что здесь были только полицейские, а не мой наставник. Иначе быть мне жестоко наказанной за

проявленную слабость и отсутствие выдержки. По спине даже мороз прошелся от воспоминаний о методах воспитания в спецшколе. Но я тут же отбросила их, чтобы не мешали. И без того было непросто.

Я снова коснулась одежды убитой. Пальцы споткнулись обо что-то крупное и круглое. Пуговица или брошь. Она мало меня интересовала, поэтому ладонь заскользила выше, пока не коснулась обнаженной кожи. Наощупь это была шея магиссы: тонкая, с выступающими жилами и ужасно ледяная. Я закрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула и щит опустила уже медленнее, не сразу. Было не легче, но пришлось с силой заставлять себя «смотреть».

... В магазине горит один-единственный светильник, создавая густой полумрак. Убитая выходит в зал. Она не спешит. Сегодня ее никто не ждет. Останавливается посреди магазина и окидывает его последним взглядом, проверяя, все ли в порядке. Магисса удовлетворенно кивает и собирается погасить светильник, когда над входной дверью раздается мелодичный звон – пришел посетитель. Убитая удивленно оглядывается, говорит, что магазин закрыт, но гость не уходит, оставаясь под защитой полумрака. Он молчит и не двигается. Неуверенность, досада, сочувствие – его яркие эмоции. Женщина делает шаг назад. Она боится. Гость медленно наклоняется и ставит на пол небольшой предмет в виде пирамиды. Его видно плохо, потому что свет туда почти не дотягивается. Убитая снова отступает. Страх превращает-

ся в панику. Грани пирамиды одновременно распахиваются и наливаются красным. Магиссу охватывает неуверенность, удивление – и тут же ужас. Она истошно кричит, пытаясь закрыться от вспыхнувшего света руками. Падает на пол, корчась от боли. Ее тело ломает, скручивает, выворачивает. Лопаются сосуды, разрываются легкие. Она хрипит и пытается цепляться ногтями за пол. Жизнь медленно и больно выходит из нее, словно кто-то тянет за невидимые нити. Разлетаются стекла, корежит и сплющивает товар, взрывается светильник под потолком. Теперь картина выглядит еще более жутко – жертва, бьющаяся в агонии, в кроваво-красном свете пирамиды. Убийца молча ждет конца. Он больше не испытывает сочувствия. Только решимость и уверенность в своих действиях. Наконец, магисса затихает. Последние осколки падают на пол, погружая магазин в какую-то нереальную тишину. Грани пирамиды захлопываются. На зал опускается темнота. Убийца медленно поднимает странный предмет, убирает его в карман и только после этого уходит. Он не торопится. Словно уверен, что его не поймают или не увидят...

Я вернулась к реальности одновременно с глубоким вдохом. Оказывается, все это время не дышала, и теперь легкие болели. Подниматься на ноги было непросто. Меня слегка качнуло, и крепкие руки поддержали, не давая упасть.

– Все нормально, эста Рин? – раздался слишком близко голос Оллира.

– Да. Все в порядке.

– Что вы увидели? – напряженно спросил следователь.

– Она уже собиралась уходить домой, когда пришел убийца. Его не было видно. Он остался в тени. Магические силы убитой он забрал с помощью... – я задумалась, не зная, как описать то, что видела. – Это был небольшой предмет. Видно было плохо, но он напоминал пирамиду. Ее грани раскрылись и загорались красным. Убитая узнала, что это, но ни защититься, ни сбежать не успела.

– Артефакт, впитывающий магическую силу, – задумчиво произнес Оллир. Я перевела дыхание и успела уловить беспокойство, которое исходило от мужчины. – Обычно его используют на уже мертвых магах, чтобы сохранить их силу. Что-то еще? Можете описать убийцу?

– Нет, – качнула я головой. – Только его чувства. Станные. Как будто он не хотел убивать, но пришлось.

Беспокойство следователя переросло в тревогу.

– Что-нибудь еще? – напряженно спросил он.

– Он не торопился уходить. Устроил такой погром, который вполне могли услышать соседи или запоздавшие прохожие, но совсем не спешил. То ли уверен в своей безнаказанности, то ли ему все равно, поймают его или нет.

Оллир молчал, но его тревога стала настолько сильной, что меня это заинтересовало.

– Он что-нибудь говорил? – спросил следователь.

– Нет. Молчал все время.

– Еще что-нибудь?

– Нет, это все.

– Хорошо, эста Рин. Вас отвезут домой, – как-то слишком поспешно произнес Оллир. Я молча натянула перчатки, задумавшись над поведением мужчины. – Ваша шляпка.

– О, – выдохнула, беря в руки головной убор.

– Она упала, когда вы потеряли сознание.

– Спасибо, – растерянно произнесла я, так и оставив шляпку в подрагивающих пальцах.

– Дайрит, – крикнул Оллир кому-то. – Отвези эсту Рин домой.

И уже мне:

– Когда вы нам понадобится, мы придем за вами курьера.

Я молча кивнула. Меня проводили до машины. Моросил мелкий дождь. Холодная сырость неприятно лизнула шею и быстро просочилась под пальто. Стало неудобно, поэтому я поспешила нырнуть в теплый салон машины. Уже устраиваясь на сиденье, почувствовала знакомые эмоции: сожаление, сочувствие и... сразу спокойствие. В последнее время такое сочетание встречается что-то слишком часто. Дверь захлопнулась, отрезая меня от улицы. Я глубоко вздохнула, успокаиваясь и отгораживаясь от внешнего мира. После сегодняшнего дела мне нужен был длительный отдых. Пару дней точно.

С вечера я долго не могла уснуть. Все думала над страшной смертью магиссы. Вряд ли конкуренты настолько замо-

рочились, чтобы убить ее таким способом. Да и артефакт, собирающий, нет, в данном случае отбирающий силу мага, стоил недешево. И вообще был вне закона. Что же тогда двигало убийцей? Мечь? Я вспомнила его эмоции. Нет, когда мстят, обычно испытывают гнев, бешенство, злость, удовлетворение, но никак не досаду и сочувствие. Он как будто не хотел убивать, но пришлось. Может, убийцу наняли?

Я с тяжелым вздохом перевернулась на бок. Мысли переключились от жертвы к Оллиру. Сегодня он вел себя странно. Я бы даже сказала, благородно. Впрочем, следовательно никогда не отличался хамством. Холодностью, язвительностью, насмешками – да, грешил. Но это было взаимно. Да и то, что он чувствовал на месте преступления, особенно после того, как я описала момент убийства магиссы, было мне непонятно. Одно дело жалость к жертве, но нет же, Оллир беспокоился, тревожился. О чем? Что не сможет раскрыть это дело? Чем оно так его зацепило? Стало интересно. Вот только спрашивать напрямую бесполезно. Придется наблюдать и слушать.

... Я уже не могла понять, где именно у меня болит. Разрывало все тело. Слезы смешались с кровью – так сильно я закусила губу, чтобы не кричать. Это бы только все усугубило. Мне казалось, что смерть уже близко. Пробирается через стройные ряды напуганных и потерянных учеников, на виду у которых меня наказывали. За попытку побега...

Я проснулась от боли. Во рту застыл металлический привкус крови. Пальцы коснулись нижней губы. Она была влаж-

ной. Даже спустя столько лет, я все еще пыталась сдержать крик, боясь более серьезного наказания. Меня снова трясло. Мелко и противно. Облизав губы и убедившись, что кровь больше не идет, я завернулась в одеяло и закрыла глаза, вспоминая тот страшный день в школе, когда мне, наивной девятилетней девочке, пришло в голову бежать и думать, что мой план удастся. Я заранее отыскала в каменном заборе, что неприступным бастионом окружал школу, узкий проход. Казалось, все продумала и сотню раз прокрутила в голове. Успеть надо было до очередной проверки. И однажды ночью, когда тучи затянули небо, накрыв город плотной тьмой, я решилась. Это был отчаянный шаг. Попытка спастись, вырваться из жестоких лап системы и эста Натрига. Собственно, план на этом и заканчивался – оказаться за пределами школы. А что потом? Об этом я старалась не думать, пробираясь колючими кустарниками к заветному проходу. И мне даже удалось втиснуть в него свое тощее тело. И радостно вздохнуть, вкусив такой сладкий воздух свободы. Но лишь на мгновение. Одно короткое мгновение. Потому что в следующее меня резко дернули вверх и ненавистный голос прошипел в лицо, обдавая влажным дыханием:

– Набегалась?

Тогда я поняла, что пришла моя смерть. Но нет. Это не входило в планы эста Натрига. Несмотря на жестокость, с которой нас воспитывали, умереть не давали никому. Доводили до последней грани, позволяли взглянуть в бездонные

очи тьмы, но каждый раз возвращали назад, к жизни. Если пребывание в спецшколе можно было так назвать.

Пятьдесят ударов узкой кожаной плетью – таково было решение наставника. Никто не спорил и не пытался воззвать к его милости. Смутно помню, как после мое безвольное тело, больше напоминающее растерзанный кусок мяса, несли в лечебный корпус. И запах лекаря, старого, почти выжившего из ума старика с трясущимися руками и брызгающего слюной во время разговора. От него воняло тленом, вечностью и... безысходностью. Казалось, он не лечил, а пытался добить, но никак не получалось. И старик пробовал снова и снова. Я большую часть времени пробыла в забытьи. Хоть здесь судьба оказалась ко мне милостива. С тех пор о побеге даже не помышляла. Напротив, во мне как будто что-то сломалось, перевернулось. Из лечебного корпуса я выходила совсем другим, нет, не ребенком, человеком, повзрослевшим на несколько десятков лет. С неистребимой жадой ненависти к эсту Натригу. И мечтами когда-нибудь отомстить.

Я вытерла ладонями влажные щеки и снова вспомнила про убийцу магиссы Вернита. Если бы мне выпал случай убить своего бывшего наставника, ни о каком сожалении не могло бы идти и речи. Удовольствие, удовлетворение, радость и даже, пожалуй, счастье и облегчение – вот, что бы я тогда чувствовала. Значит, этим неизвестным двигало что-то другое. И зачем ему вообще ее сила?

Глава 4

Когда совершается убийство, то подозревать всегда в первую очередь начинают ближайшее окружение. Но, к сожалению, жених Анари Вернита к ее смерти оказался непричастен. В это время он был у сестры в Тарнуге. Она родила накануне сына, и Тивел Гроус навещал ее, чтобы поздравить и высказать свое почтение. Я во время допроса подтвердила каждое слово мага. Его эмоции были вполне предсказуемы: удивление, шок, растерянность и страх. И даже мое появление ничего не изменило. Если эст Гроус и не любил Анари, то, по крайней мере, уважал и относился к ней тепло. Что же касается его измен, то все это так и осталось выдумкой погибшей. Маг был слишком погружен в работу, чтобы тратить время на других женщин. Ему и на магиссу-то его почти не оставалось.

– Итак, у нас не осталось подозреваемых, – вздохнул Ол-лир. Мы только что вернулись из допросной в его кабинет. Я устроилась на стуле для посетителей и ждала решения следователя: возвращаться мне домой или допрашивать будут кого-то еще. – У жениха и эста Силда есть алиби. Они никак не могли убить магиссу.

– Даже если бы у них не было алиби, не думаю, что кто-то из них мог убить магиссу Вернита, – заметила я, устраиваясь

на стуле поудобнее.

Оллира удивили мои слова, поэтому заговорил он не сразу.

– Откуда такая уверенность? – спросил он, и пятно у окна покачнулось.

– Какой мотив мог быть у жениха? – усмехнулась я. – Его достала невеста своей ревностью? Конечно, за это можно и убить, но в пылу злости, гнева, аффекта, а не спустя время, да еще и так хладнокровно и жестоко. Не находите, Оллир?

Следователь молчал. Я остро ощущала его раздражение – мой намек на отношения с невестой достиг своей цели. Но все равно продолжила.

– Эст Силд мог убить магиссу, например, за то, что она к нему придиралась, как к подчиненному. Или чтобы ограбить. Но ведь ограбления не было?

– Нет, вся выручка на месте, – подтвердил Оллир сквозь зубы.

– Значит, остается личная неприязнь. Опять же из-за нее так не убивают.

– Может, вы, эста Рин, знаете имя убийцы? – насмешливо спросил следователь.

– Если бы я его знала, то не стала скрывать, Оллир, – заметила я снисходительно. – Но могу сказать одно. Мотив – не деньги, не личная неприязнь, не ревность. Убийце нужна была только сила магиссы Вернита.

– Я думал об этом, – признался мужчина. В его голосе

появилась усталость, а внутри снова проснулась давешняя тревога. Мне стало любопытно, но я постаралась не выдать этого. – А еще о том, что убийца либо вообще не маг, либо весьма посредственный.

– Почему?

– Для того, чтобы отобрать силу магиссы, ему потребовался артефакт. Дорогой и достаточно мощный, не оставляющий даже крупицу силы его владельцу.

Пятно у окна чуть сдвинулось и стало меньше – Оллир сел за стол.

– И который стоит очень дорого, – заметила я. – И изготовить его под силу не каждому артефактору.

– Именно, – согласился следователь. – Что возвращает нас к предыдущему убийству.

– Вы про Катира Алия?

– Да. Про него. Он вполне мог изготовить данный артефакт. В столице он числился на хорошем счету и был весьма известен. Если бы не любовь к деньгам...

– И чтобы не платить, заказчик его убил, – задумчиво произнесла я.

– Было ли что-то общее между убийцей Алия и Вернита?

От Оллира пришла волна напряжения. Я чуть склонила голову на бок, вспоминая свои ощущения.

– Да, пожалуй, было, – неуверенно произнесла, наконец. – Его эмоции. Он не хотел убивать ни того ни другого, но был вынужден.

– Значит, убийце плевать на материальную выгоду, – негромко заметил следователь и тяжело вздохнул. И снова от него пришла тревога. Только теперь она стала сильнее.

– Как, по-вашему, Оллир, зачем ему сила магиссы?

Тревога следователя сменилась страхом и неуверенностью. А это было очень интересно.

– Понятия не имею, – излишне резко ответил он.

– Ложь, – отметила я про себя, но вслух произнесла:

– И почему он выбрал именно ее?

– Хороший вопрос, – немного расслабился Оллир. – Все упирается в магическую школу. Либо это просто совпадение. Ведь Вернита там не работала.

– Но там работал ее жених. И первая жертва. Кстати, что там с алиби того паренька?

– Алиби эста Лойра подтвердилось, – с сожалением произнес следователь. – Он действительно был с друзьями на кладбище.

Дверь за моей спиной открылась, но вошедший остался у порога.

– Следователь Оллир, у нас новое убийство, – мужской голос говорил быстро и четко. И я уже знала, что он скажет дальше. – И снова маг.

От Оллира полыхнуло злостью. Он тихо выругался и отпустил полицейского.

– А дело принимает интересный оборот, – заметила я, поднимаясь, чтобы одеться.

– Куда уж интереснее, – сквозь зубы процедил следователь. Мне почему-то показалось, что это дело было для него ближе, чем все остальные. Может, он уже сталкивался с чем-то подобным? Например, в столице, откуда Оллира перевели в Номин.

– Оллир, – обратилась я к мужчине, когда мы вышли на улицу. Сегодня была тихая спокойная погода. И главное, сухая. Редкость в здешних краях.

– Да? – ответил он коротко, словно мыслями был далеко.

– Чем вам не угодила столица?

Локоть следователя под моей рукой напрягся. Мне даже показалось, что Оллир с трудом сдержал себя, чтобы не скинуть мою ладонь.

– Слишком шумно, – бросил мужчина.

Отговорка. Значит, ему было что скрывать.

– А здесь спокойнее? – спросила я с иронией.

– Гораздо.

Он раздраженно запихнул меня в машину и громко хлопнул дверь. Итак, у следователя была тайна. Взятка? Не сошелся характером с начальством? Просто так из столицы в провинциальный городок не уезжают. Только если не хотят от кого-то или чего-то сбежать.

Снова ненадолго пахнуло холодом, и сиденье рядом прогнулось. От Оллира разве что искры не летели. Машина тронулась с места, заставив меня резко откинуться назад. А следователь-то оказался не так прост. Стоит внимательнее за

ним понаблюдать. А еще лучше намеренно спровоцировать взрыв эмоций. Я довольно улыбнулась, решив, что дело, которое на первый взгляд показалось мне рутинным, сейчас же приобрело совсем другой смысл.

Первое, что я почувствовала, выйдя из машины, была нестерпимая вонь: моча, гниль, отходы. Пришлось уткнуться носом в воротник пальто.

– Где мы? – с трудом выдавила из себя, через силу заставляя идти вслед за Оллиром.

– Это обычная подворотня, эста Рин, – с насмешкой ответил следователь.

– Какая вонь!

– Не все справляют нужду в положенных местах. Некоторые там, где приспичило.

– И, что, мага убили здесь? – удивилась я, стараясь дышать неглубоко.

– Да.

Я прислушалась к своим ощущениям. Эмоции покойного были не так остры, как у Анари Вернита. В них скорее преобладало удивление и только потом страх и боль.

– Кто он? – спросила, не спеша опускать ментальный щит.

– Дайнерк, – позвал Оллир кого-то. – Кого убили?

– Следователь Оллир, – поздоровался подошедший. В подворотне, судя по всему, царил полумрак, поэтому я даже размытого пятна не смогла разглядеть. – Убитого звали Эвол Плаур. Артефактор. Преподавал в магической школе.

– И снова эта школа, – недовольно произнес следователь. – Что там происходит?

– Это уже третье убийство магов за последнюю неделю, – заметил Дайнерк.

– Слишком часто, – пробормотал Оллир в сторону, заставляя меня напрячь слух.

– Предпочитаете, чтобы их убивали, но реже? – решила я прощупать почву.

Локоть под моей ладонью дернулся, но ответа так и не последовало.

– Свидетели есть? – спросил он, обращаясь к полицейскому.

– Нет. Убийство произошло вчера поздно вечером. Труп нашел местный сегодня утром. Свернул по нужде.

– И опять никто ничего не видел, – вздохнул Оллир. – Надо бы наведаться в эту школу и выяснить, что у них там происходит. Эста Рин, готовы поработать?

– Да, – ответила я коротко, сдерживая внутреннюю дрожь, так как уже заранее знала, что ничего приятного меня не ждет.

– Прошу.

Мы прошли несколько шагов вглубь подворотни. Запах стал просто тошнотворным. Я пожалела о том, что позавтракала сегодня слишком плотно. Лучше бы осталась голодной. А теперь придется с силой сдерживать свой желудок, чтобы он не выплюнул содержимое. Снова вспомнилась школа и

методы воспитания нашей выдержки. Учеников запирали в комнате с разлагающимися отходами и не всегда пищевыми. Тех, кто не справлялся, ждало наказание в виде голодных суток. Разрешалась только вода и то не много. Мне удалось научиться справляться с тошнотой и рвотой только с шестой попытки. А кому-то и десятая не помогала. Но наставники не привыкли отступать.

Я дернула головой, возвращаясь к реальности. Мой жест не остался незамеченным.

– Что-то не так, эста Рин? – спросил Оллир, останавливаясь.

– Нет. Все в порядке. Где тело? – я вернула своему голосу уверенность.

– Слева от вас. Надеюсь, сегодня вы не станете терять сознание? – с насмешкой поинтересовался следователь. Его вопрос остался без ответа. Вместо этого я сняла перчатки – чуть резче, чем обычно, – осторожно опустила на корточки и вытянула руку в сторону, стараясь нащупать тело мага. Пальцы коснулись чего-то влажного и липкого.

– Мерзость, – передернуло меня.

Ладонь шарила по воздуху, медленно опускаясь ниже, пока не наткнулась на... лицо трупа – ледяное, застывшее, словно маска, с раскрытым в крике ртом.

– Да, снова будет не просто, – подумала я, осторожно опуская ментальный щит.

Эмоции мага окружили меня плотным коконом, сжимая,

словно в тисках: недоумение, удивление, узнавание и страх. Не ужас. Не паника. Просто страх. И обреченность. Убитый не сопротивлялся. Он принял свою смерть если не спокойно, то без особой трагедии.

Я моргнула и на мгновение задержала дыхание, прежде чем заглянуть в последние минуты жизни покойного.

...Поздний вечер. С неба летит мелкая пыль. Непонятно, снег ли, дождь? Маг спешит по улице, кутаясь в короткое пальто и толстый шарф, обмотанный вокруг шеи. Убитый торопится домой. Нет, его там никто не ждет. Он просто боится простудиться. Навстречу попадают редкие прохожие. Они не обращают на мага никакого внимания. Руки в карманах стынут от холода. В носу уже влажно. К утру не избежать насморка и кашля. Покойный решает сократить путь и сворачивает в узкий переулок, проходит просторный двор с небольшой аллежкой, заходит в арку. Здесь темно и пахнет сыростью. За спиной раздаются шаги. Маг оглядывается, но там никого. Он шмыгает носом, поправляет шарф, желая спрятать в него горящие от холода уши, и выходит на освещенный тротуар. До дома осталось всего ничего. Убитый уже предвкушает, как нальет большую чашку горячего чая и устроится у магического камина, а после заберется в теплую мягкую постель. Попутно он проклинает холодную весну и весь северный климат. Маг торопливо переходит дорогу и скрывается в подворотне. Тошнотворный запах вынуждает его достать из теплого кармана руку и зажать ею

нос и рот. Громкие шаги сзади заставляют убитого испуганно оглянуться. Мужской силуэт останавливается в паре метров от него. Мага охватывает страх. Он считает, что его хотят ограбить. Пятится назад и пытается убедить незнакомца, что у него нечего взять. Но тот молча достает что-то из кармана и медленно опускает на землю. Подворотня вспыхивает алым. Убитый не понимает, что происходит, а когда до него доходит весь смысл происходящего, успевает только сделать шаг назад, а потом останавливается. Бежать бесполезно, тем более что сила уже покидает его тело, выкручивая жилы и вынуждая опуститься на колени. Маг открывает рот в беззвучном крике. Боль сдавливает горло. Из глаз сочится кровь. Пальцы на руках скручивает, выворачивает суставы. Еще живое тело падает на грязные камни, но уже в следующее мгновение подворотня снова погружается в темноту. Сердце мага останавливается. Убийца спокойно подбирает артефакт, но не уходит сразу. Он стоит в нерешительности. Хочет подойти к жертве, чтобы убедиться, что та действительно мертва. Но все же разворачивается и уходит, накинув капюшон на голову...

Я вздрогнула, вновь ощутив ароматы места преступления. Голова немного кружилась. Рядом негромко переговаривались полицейские. Я убрала руку с лица мага и медленно поднялась.

- Ну что? – тут же услышала за спиной нетерпеливое.
- Никогда не срезайте путь через темные подворотни, –

ответила философски, натягивая перчатки.

– Что это значит? – не понял Оллир.

Я медленно повернулась на его голос.

– Его убили с помощью того же артефакта, что и Вернита.

– А убийца?

– Его лица было не видно. Но он опять никуда не спешил.

И на этот раз был куда хладнокровнее.

– Втянулся, – пришел к выводу следователь. – Убитый его знал?

– Нет. Он просто решил срезать путь до дома. Но убийца шел за ним. Скорее всего, он заранее выбрал мага в качестве жертвы.

Оллир помолчал.

– Если убитый его не узнал, значит, убийца не работает в магической школе. Но определенно имеет к ней какое-то отношение.

– Может, кто-то из родственников там работает или учится, – предположила я.

– Возможно, все возможно, – вздохнул следователь. – Что-то еще?

– Нет. Это все.

– Сегодня мы в ваших услугах больше не нуждаемся, эста Рин, – сообщил Оллир. Он тщательно пытался скрыть в голосе усталость, но я все равно ее заметила. – Но завтра утром ждите курьера. Мы начнем допросы в магической школе.

– Хорошо, – кивнула я.

– Вас отвезут домой, – вместо прощания произнес следователь.

Когда я вернулась домой, там пахло мясным пирогом. Несмотря на отношение ко мне, готовила Тайрин очень хорошо. Но после посещения последнего места преступления аппетит пропал надолго, поэтому первым делом я забралась в душ, чтобы смыть с себя вонь подворотни. Казалось, что она въелась в кожу и волосы. Пришлось несколько раз хорошенько вымыть голову и долго стоять под потоками воды. Когда я, наконец, прошла на кухню, Тайрин уже не было. Но пирог нашла без проблем. Он был еще горячий, с хрустящей корочкой и сочным мясом внутри. Я сварила большую кружку лаффе и устроилась за столом. После многолетнего заточения в спецшколе с постоянным голоданием за малейший проступок я любила вкусную еду и никогда не отказывалась от хорошо приготовленного блюда. Пожалуй, это было единственное, за что Тайрин все еще работала у меня. И к слову сказать, страсть к пище никак не сказывалась на моей фигуре.

Когда был съеден третий приличный кусок пирога и я задумалась, а не отрезать ли еще немного, почтовый ящик в гостиной коротко пискнул, принимая письмо. Это мог быть только ответ из архива. Аппетит пропал сразу же, вытесненный волнением. Я медленно поднялась из-за стола и, вытерев руки о полотенце, прошла в гостиную. Прежде чем принять письмо, глубоко вдохнула и медленно выдохнула. На-

щупать кнопку на почтовом ящике получилось не сразу. В ладонь упал конверт. Тонкий и почти невесомый. Отправляя запрос, я указывала, что ответ должен быть звуковым. Теперь оставалось только вскрыть письмо. Возможно, сейчас до встречи с семьей меня разделял всего один шаг. Сердце в груди забилося часто и ладони стали влажными. Трясущимися пальцами я разорвала конверт. Тут же в гостиной раздался мужской голос, который равнодушно и монотонно общил:

– Здравствуйте, эста Рин. На ваш запрос подготовлен ответ. Указанные вами лица за последние шестнадцать лет не прибывали в город Линст. Информация о них в центральном городском архиве отсутствует. Конец ответа. Желаем вам всего наилучшего. До свидания.

Внутри меня все упало. Пальцы смяли конверт. Снова провал. Где искать своих родных, я теперь не имела ни малейшего понятия. Открылась дверь, впуская в комнату прохладу, и тут же закрылась. Тяжелые шаги подсказали, что это вернулась Тайрин. Мне не хотелось, чтобы она видела меня расстроенной и подавленной, а надевать маску хладнокровия не было сил, поэтому я просто ушла в спальню. Нет, не плакала. Зачем, если это ничего не изменит? В голове даже мелькнула мысль обратиться за помощью к Оллиру, но я тут же ее с горькой насмешкой отбросила. Ему не зачем мне помогать. Да и показывать следователю свое слабое место не хотелось. Не в тех мы были отношениях. Что ж, придется

смириться и жить дальше. Едва я подумала так, как внутри поднялась волна протеста. Смириться! От меня требовали смирения четырнадцать лет! Теперь надо мной не висит тень наставника. И проверки мне не грозят. А значит, никто не помешает отыскать семью. Даже если придется методично отправлять запросы в каждый город империи!

Ночью мне снова снились кошмары. Эст Натриг преследовал меня, не давая скрыться, загоняя, как дикого зверя, лишая сил и воли. Я то и дело просыпалась от собственного крика и его злого шепота:

– Набегалась?

Под утро мне казалось, что он стоит возле кровати и вот-вот сорвет с меня одеяло, силой стащит с постели и снова примется наказывать. За что? Да хотя бы за то, что не сдаюсь, не смиряюсь, продолжаю чувствовать. Конечно, бывший наставник никак не мог об этом знать. Ведь теперь я не проходила никаких проверок, значит, можно было немного расслабиться. Но мне все время казалось, что он стоит за спиной и дышит в затылок. Куда бы я ни пошла и что бы я ни делала.

Утро я встретила бессонницей и с тяжелой головой. А впереди были допросы в магической школе. Значит, к вечеру головная боль будет обеспечена. Тайрин еще не пришла, когда я уже полностью готовая к работе, вышла на кухню. Есть не хотелось. Но в чашке горячего крепкого лаффе отказывать себе не стала. Я устроилась с ней в кресле у прогоревшего

камина. Успела сделать только несколько глотков, когда за мной приехали. Маску непроницаемости на лицо. Перчатки на руки. Спину выпрямить. Голову выше.

– Я готова, – произнесла, открыв дверь. От Айриса пришло раздражение. Сегодня оно меня никак не тронуло, как и опять морозящий дождь.

В коридорах магической школы было шумно. Но как только замечали меня, разговоры и смех тут же стихали. Эмоции, которые преобладали в самом начале – веселье, нетерпение, грусть и местами злость и раздражение, – резко сменялись на страх и недоумение. А за ними волной следовала тишина. За нашими спинами она превращалась в шепот. Слишком громкий для того, чтобы скрыть свое отношение к появлению видящего. В кабинете, который директор школы вежливо предоставил под допросную, пахло пылью и затхлостью. Судя по всему, помещением давно не пользовались.

– Доброе утро, эста Рин, – поприветствовал меня Оллир, едва я перешагнула порог кабинета. – Вы готовы сегодня активно поработать? Список допрашиваемых внушительен.

И в голосе ни капли заботы. Только насмешка. А из эмоций – тревога. Странное сочетание.

– Я всегда готова к работе, Оллир, – бросила небрежно, расстегивая пальто.

– Тогда, пожалуй, начнем. Ваше пальто и шляпку.

Какая внимательность! А сколько в голосе пренебрежения! Но я сделала вид, что ничего не заметила.

– Прошу, – следователь помог мне устроиться на стуле.

– Кто первый? – спросила я, разглаживая складки на платье.

– Секретарь директора, Риала Гринерт. Как не она лучше всех знает сплетни и слухи, что бродят в закулисе школы.

– Собираетесь покопаться в грязном белье преподавателей? – теперь пришла моя очередь насмеяться.

– Иногда грязное белье может рассказать гораздо больше, чем его владелец, – без тени обиды ответил Оллир и тут же велел пригласить секретаря.

Ждали молча. Не знаю, чем занимался в это время следователь, но его эмоции были окрашены в мрачные тона: беспокорство, волнение, опасение и... тоска. Он сегодня просто являл собой образец противоречий. Может, снова ненаглядная устроила сцену ревности? Я никогда не понимала, что держало Оллира возле столь склочной и неуравновешенной особы.

Мои размышления прервал звук открывшейся двери и стук тонких каблучков. Пара шагов – и он резко стих. Я не шелохнулась, но прислушалась к эмоциям вошедшего. Недоумение, растерянность, страх.

– А... ее присутствие обязательно? – дрогнул женский голос.

– Да, – коротко ответил Оллир. И сразу стало понятно, что возражения никто принимать не собирается.

Я почувствовала сильное недовольство и страх. Они шли

плотной волной со стороны эсты Гринерт, постепенно перерастая в ужас и панику. А еще духи – приторно сладкие, густые. Даже в горле запершило. Терпеть не могу духи вообще. Особенно такие. Они всегда напоминают мне о бывшем наставнике. Он тоже любил острые, пряные ароматы, от которых у меня зачастую кружилась голова.

– Прошу вас, эста Гринерт, присаживайтесь, – вежливо произнес следователь. Я снова услышала неуверенный стук каблуков, который очень быстро стих. Скрипнул стул. – Как давно вы работаете в магической школе?

– Я... – дрогнул голос секретаря, – пять, нет, шесть лет.

– Вам нравится то, чем вы занимаетесь?

– Д-да.

Неуверенность и удивление – женщина не понимала, почему Оллира интересовало ее отношение к работе.

– Наверное, за столько лет работы вы успели перезнакомиться со всеми учителями школы.

– Ну да, конечно, – в ее голосе появилось больше уверенности.

– И со всеми, наверняка, в хороших отношениях.

– Нууу, – протянула эста Гринерт, – не со всеми, конечно.

Я уловила смущение и легкое раздражение.

– Разве это возможно? – удивился Оллир. – Мне кажется, к вам невозможно относиться плохо.

Я чуть не расхохоталась в голос. Неприкрытая лесть. Слишком явная и оттого звучащая неправдоподобно. Но

женщина этого, похоже, не заметила.

– Но некоторые меня не понимают и считают, что я занимаюсь ерундой, – возмутилась она.

– Как это? – не понял следователь.

– Ну что моя работа не так важна, как работа преподавателя. А как бы они обходились без меня? Кто наводил бы порядок в документах, напоминал о совещаниях, готовил ответы на запросы? Да они бы погрязли в этой бумажной работе.

– Полностью согласен. И кто же так неуважителен к вам эста Гринерт? Директор?

– О, нет, конечно, – коротко рассмеялась секретарь. – Эст Нирен – прекрасный начальник.

Снова смущение и...нежность. Неожиданно! А в курсе ли директор, что эста Гринерт к нему равнодушна?

– Полагаю, это учителя считают вашу работу незначительной, – продолжил тем временем Оллир.

– Конечно, – снова вспыхнула возмущением женщина. – Эста Улат и эст Алий вечно высказывали мне свое недовольство.

– И чем же они недовольны?

– Да всем. Не так обратилась, не так посмотрела, не сразу подписала нужные документы. А я что? Если эст Нирен занят, я же не могу вломиться к нему в кабинет.

– Безусловно! – охотно согласился следователь. – А эст Алий только к вам так относился?

– Да его вообще тут не любили. И он сам не сильно-то

тянулся к людям, – недовольно ответила эста Гринерт.

– Почему? У него были конфликты с другими учителями?

– Были. Он постоянно со всеми ругался. Поэтому его и старались лишней раз не трогать. Вот только эста Ольм не давала ему спуску и ставила на место.

– Она его не боялась?

– Эста Ольм? – рассмеялась женщина. – Она никого не боится. И за словом в карман не лезет.

– И часто они конфликтовали?

Оллир ухватился за ниточку и не собирался ее отпускать.

– Довольно часто. Но ссоры быстро затихали. Эст Алий быстро отступал. Пожалуй, так он реагировал только на эсту Ольм, – задумчиво ответила секретарь.

– А с другими как же?

– Пару раз доходило даже до драки, – громким шепотом произнесла она.

– Как интересно! И с кем же дрался эст Алий?

– С эстом Етратом и эстом Глором.

– И что же они не поделили?

– Эст Алий требовал, чтобы его занятия ставили только в утренние часы. Но это не всегда было возможно. И как-то вместо его уроков поставили урок эста Етрата. Ох как они ругались!

– А с эстом Глором что произошло?

– А вот этого никто не знает. Оба не признались.

– И вы, эста Гринерт, даже не догадываетесь, что стало

причиной их конфликта? – в голосе Оллира чувствовалась легкая улыбка.

– Нууу, – замялась женщина смущенно, – ходили слухи. Но вы же понимаете, что это все может быть неправдой?

– И все же? – мягко настоял следователь.

– Поговаривали, что все это из-за женщины, – снова перешла на шепот секретарь.

– Да? – удивился Оллир. – Они не поделили женщину?

– Не знаю, – неуверенно ответила эста Гринерт. – Вообще, эст Глор – любитель женщин. И они его любят.

– А вы? – неожиданно спросил следователь.

– О, нет, эст Глор не в моем вкусе, – живо откликнулась секретарь.

И ни капли не соврала. Может, потому что в ее вкусе директор школы?

– И что же у нас получается? Эст Глор увел у эста Алия женщину?

– М, не знаю, – к женщине снова вернулась неуверенность. – Честно говоря, сложно представить, чтобы у эста Алия была женщина. С его-то характером и вечно недовольным видом. Не знаю.

– Может, тогда наоборот?

– Все может быть, но я говорю, что это только слухи.

– Конечно, конечно, – согласился Оллир.

Мне стало скучно и я положила ногу на ногу. От эсты Гринерт пахнуло страхом. Похоже, я настолько тихо сидела, что

она забыла о моем существовании.

– Эста Гринерт, а что вы скажете об эсте Плауре?

– Эст Плаур – прекрасный человек, абсолютно безобидный и тихий. Всегда себе на уме, погружен в собственные мысли. Знаете, его не интересовало ничего, кроме науки.

– А у него были с кем-то конфликты?

– Да что вы! – рассмеялась женщина. – Никогда.

– А над чем работал эст Плаур в последнее время? – немного помолчав, спросил Оллир.

– Не знаю. Никогда этим не интересовалась.

– Эста Гринерт, а у эста Гроуса были с кем-то конфликты? – задал неожиданный вопрос следователь. Даже я удивилась. Причем тут жених Анари Вернита? Он-то вроде жив, да и алиби у него имеется.

– Этот напыщенный хам всегда считал себя выше других. Не понимаю, что в нем нашла Анари, – раздраженно произнесла секретарь.

– Вы были знакомы с Анари Вернита?

– Да. А почему нет? Она часто к нему приходила в школу. Мы так и познакомились. Милейшая женщина. И скидку мне всегда в магазине делала. Не понимаю, как она могла влюбиться в эста Гроуса.

– А он ее любил?

– Мне кажется, что он не умеет любить, – презрительно фыркнула эста Гринерт и от нее пришла волна сожаления. Хм, похоже, когда-то она сама мечтала быть на месте Анари.

– Что ж, эста Гринерт, мы благодарим вас за помощь. Если что-то вспомните, вы знаете, как со мной связаться. А сейчас вы можете вернуться к работе. Не стану вас больше задерживать, – расшаркался перед секретарем Оллир. У меня аж скулы свело от этой слащавости.

Каблучки стихли и хлопнула дверь. В кабинете повисло молчание. Не знаю, что делал следователь, я же ждала продолжения допроса.

– Что скажете, эста Рин? – наконец, произнес Оллир.

– Вы не могли бы открыть окно?

– Окно? – удивился он.

– Не выношу сладкие духи.

– Не заметил, – бросил мужчина, но окно все же открыл – кабинет заполнил гомон детских голосов и весенняя прохлада. – А что вы скажете про рассказ эсты Гринерт?

– У нее определенно связь с директором. Хотя, возможно, она только мечтает о ней.

– Да, она любовница эста Нирена. И уже довольно давно. Иначе бы никто не стал ее здесь держать. Как секретарь, эста Гринерт весьма посредственна.

– Зачем же вы так расшаркивались перед ней? – ухмыльнулась я.

– Это моя работа – добыть как можно больше сведений, используя самые разные методы, в том числе лезть. А что скажете о том, что она поведала об Алие и Плауре?

– Алий был сложным человеком. И у него было доста-

точно если не врагов, то недоброжелателей точно. Впрочем, убили его не за то, что он обладал скверным характером. Поэтому вряд ли это были эсты Етрат и Глор.

– А что думаете о его конфликте с эстом Глором?

– Они могли подраться из-за чего угодно. Вряд ли тут замешана женщина. Алий жил один, соседей сторонился. Никто никогда не видел его с женщиной. Вы же сами об этом говорили, Оллир.

– Да, согласен.

– Может, Алий и Глор оба брали взятки? И не поделили учеников? Или были недовольны размером взяток противника?

– Да, это больше похоже на правду, эста Рин, – задумчиво произнес следователь. – Тогда, пожалуй, следующего вызовем эста Глора.

Мне было все равно, поэтому я промолчала. Только поменяла ноги местами и скрестила руки на груди в ожидании мага. Вскоре дверь распахнулась. Я вынырнула из собственных мыслей, которые крутились вокруг моей семьи, и настроилась на пришедшего. Странно, но он был спокоен и даже хладнокровен. И этого человека эста Гринерт назвала любителем женщин? Обычно они куда эмоциональнее.

– Допрос окончен. Императорская служба безопасности берет это дело под свой контроль.

Этого не может быть! Мне показалось. Я сошла с ума. Уснула. Да все, что угодно, лишь бы этот голос не был реаль-

ным. Потому что принадлежал он тому, кого я ненавидела больше всего в жизни, всей душой, каждой клеточкой своего тела. Эст Натриг, будь он проклят!

Глава 5

Меня парализовало. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, так и застыв на стуле каменным изваянием, лишь внутренне содрогаясь от каждого слова, что произносил мой бывший наставник.

– Вы, Сэммит Оллир, можете быть абсолютно свободны.

– На каком основании? – тут же возмутился следователь.

– На основании личного приказа императора, – с насмешкой ответил эст Натриг. Я даже удивиться не смогла. Настолько внутри меня все замерло. На какой-то миг даже показалось, что мы находимся не в обычной магической школе, а в казематах спецшколы для видящих, а я все еще была ее ученицей.

– Я могу на него взглянуть? – не отступал Оллир.

Эст Натриг ответил не сразу, выдержав короткую паузу. Видимо, раздумывал, достоин ли следователь увидеть столь важную бумагу.

– Безусловно, – наконец произнес он великодушно.

Я услышала сначала шорох одежды, потом – шелест бумаги. И тишина, которая давила на уши, но еще больше – на нервы. Потому что каждой клеточкой всего своего напуганного существа я ощущала на себе бесцветный взгляд бывшего наставника. Он ощупывал меня, медленно, словно прика-

саясь ледяными щупальцами и заставляя съеживаться. Как тогда. В школе.

– Почему вдруг император заинтересовался этим делом? – спросил Оллир с подозрением. – Это обычные убийства. Такие происходят нередко.

– Император крайне озабочен тем, что маги в нашей империи так легко умирают, – и снова в голосе эст Натрига ясно слышалась насмешка. Он просто издевался над следователем – врал в глаза. Императору всегда было плевать на магов. Вот за видящих да, он с легкостью мог сравнить с землей деревни или небольшие города. Но ради магов не пошевелил бы и пальцем, хотя они и стояли в иерархии следующими после нас.

– И, что, теперь каждое убийство мага будут расследовать императорские ищейки? – с презрением выплюнул Оллир. Никогда не замечала за ним такой ненависти к сыскной имперской службе. А он удивляет меня все больше и больше.

– Если понадобится, – снисходительно ответил кошмар моей жизни. – Так что, Оллир, я вас больше не задерживаю. Уверен, вам есть чем заняться. Хотя бы своей невестой. А то она заскучала.

Я напряглась. Эст Натриг навел справки о следователе? Зачем? И причем тут его невеста?

– На что вы намекаете? – возмутился Оллир.

– Абсолютно ни на что. Я только констатирую факты.

Несколько неспешных шагов затихли на другом конце ка-

бинета. Хлопнуло окно. Я больше не слышала звуков улицы. Снова шаги.

– В любом случае, следователь Оллир, в ваших услугах мы не нуждаемся, – в голосе эст Натрига проступил холод. Пора было начинать бояться. – Всего хорошего.

В кабинете повисла тишина, осязаемая и звенящая от напряжения. После я слышала торопливые рваные шаги. Дверь с грохотом захлопнулась. Мы с бывшим наставником остались один на один. Вдоль позвоночника медленно сползла капля ледяного пота. Я с невероятным усилием заставила свое тело подняться и сделать несколько шагов в сторону дверей. В школе в нас вбивали способность ориентироваться пространстве, запоминая расстояние, расположение предметов, мебели и выходов, поэтому сейчас для меня не составило труда вспомнить, куда идти.

– Эллиз Рин, моя самая посредственная ученица, – протянул за спиной монстр. – Даже не поздороваяешься со своим наставником?

Я замерла. До спасительного выхода оставалось шесть шагов. Пришлось собрать всю волю в кулак и повернуться на голос.

– Приветствую вас, эст Натриг, – холодно произнесла я, почувствовав укол самолюбия и мечтая как можно скорее оказаться подальше отсюда.

– Позволь полюбопытствовать, куда это ты собралась?

– Если дело об убийстве магов теперь ведет Император-

ская служба безопасности, то мне здесь делать нечего. Я к ней не отношусь и, соответственно, отстранена так же как и Оллир.

Спина затекла. Я прилагала столько усилий, чтобы держать ее прямо, что теперь свело мышцы.

– Отнюдь, – коротко заметил мой ночной кошмар.

– Что это значит? – насторожилась я.

Его голос прозвучал слишком близко. Ненавижу манеру этого монстра двигаться бесшумно. Он всегда словно по воздуху летал, внезапно появляясь рядом с тобой и тут же исчезая.

– Это значит, что с сегодняшнего дня ты, Рин, подчиняешься мне. Это приказ императора, – эст Натриг сделал паузу и довольно добавил:

– Да, чувствую, что ты безумно этому рада. Я тоже.

– Почему я? – только и смогла спросить ошарашенно, даже не пытаясь скрыть эмоции.

– Я так захотел, – теперь мой бывший наставник говорил откуда-то со стороны окна.

– Почему? – выдавила я из себя сдавленно, не желая верить в услышанное. Опять подчиняться этому... чудовищу? Уж лучше на виселицу!

Эст Натриг молчал. То ли обдумывал ответ, то ли не считал, что я вообще его достойна. Он всегда был для меня загадкой, закрытой книгой, которую невозможно открыть. Да, собственно, и не хотелось.

– Потому что мне всегда доставляло удовольствие наблюдать за твоими промахами. И я решил себе в этом не отказывать, – произнес он, наконец. – А еще мне нравится сила твоей ненависти ко мне.

Мой ночной кошмар снова оказался рядом со мной.

– Признайся, лежа темными ночами в постели, ты придумала миллион способов меня убить, выпустить кишки, четвертовать, разорвать на куски и скормить стервятникам? – он говорил тихо, почти шепотом, от чего становилось еще более жутко. Но да, эст Натриг был прав. Я не раз представляла себе его растерзанное тело, хоть и понятия не имела, как он выглядел.

– Не боитесь? – фраза сорвалась с губ раньше, чем я успела ее осознать.

Мой бывший наставник рассмеялся в голос.

– Тебя? – спросил он, отсмеявшись. – Рин, ты слишком жалкая и забитая для того, чтобы меня убить.

– Разве не этого вы добивались в спецшколе на протяжении четырнадцати лет? Полное подчинение, – процедила я сквозь зубы, покоробленная его словами.

– Возможно, – ответил Натриг уклончиво, поставив меня в тупик, и тут же резко сменил тему, не дав опомниться. – Что вам сообщила Риала Гринерт?

Его насмешливый тон исчез. Передо мной снова стоял холодный, расчетливый и жестокий видящий – лучший образец для себе подобных. Но не для меня.

– Вы можете прочитать это в материалах дела, когда Ол-лир напишет отчет, – ответила я дерзко. И только внутри все дрожало от страха.

– Хм, – сорвалось с губ Натрига. – Зачем же так долго ждать, когда все можно узнать гораздо быстрее?

И лицо сжали ледяные и сильные пальцы. Я даже вскрикнуть не успела, как перед глазами все вспыхнуло алым, и голову взорвала боль.

Мне показалось, что это длилось вечно. Мозг полыхал огнем, словно его подожгли. И когда все закончилось, я едва устояла на трясущихся ногах. По лицу катились крупные капли пота. Спина была мокрой, и к ней неприятно липло платье. К горлу подкатила тошнота, заставляя дышать глубоко. В висках все еще пульсировала боль, как мелкая злая букашка, которая методично вгрызалась в череп. Хотелось впасть в забытие, но я заставляла себя оставаться в сознании. Эст Натриг не должен видеть моей слабости!

– Любопытно! – только и произнес он равнодушно, пока я приходила в себя. А после велел кому-то пригласить Райлира Етрата. Мне было настолько плохо, что даже удивляться или возмущаться не осталось сил. А мой ночной кошмар словно забыл обо мне. Ни слова! Ни звука! И сплошная непробиваемая стена, за которой невозможно было «прочесть» ни одной эмоции.

– Может, он не человек вовсе? – наверное, в тысячный раз за столько лет мелькнула в голове мысль.

– Я могу быть свободна? – холод в моем голосе мог заморозить небольшой фонтан.

– Нет, – тут же ответил Натриг. – Теперь ты всегда будешь при мне.

– Не понимаю своей роли. Вы и без меня прекрасно справитесь. Зачем вам такая посредственность, как я?

Ноги уже не дрожали, но в них все еще оставалась слабость, поэтому я не двигалась с места.

Натриг молчал. Издевался. Я даже не сомневалась в этом. Но для меня оставалось загадкой, зачем ему было нужно мое присутствие? Потешить свое самолюбие? Лишний раз утвердиться за мой счет? Унизить? Неужели ему это действительно доставляло столько удовольствия? Чудовище! Что с него взять?

Дверь открылась, впуская кого-то с тяжелой походкой. От пришедшего веяло безмятежностью. Первый раз встречаю того, кто не боится видящих.

– Вы хотели меня видеть? – спокойно спросил мужчина.

– Райлир Етрат? – уточнил Натриг.

– Да.

– Прекрасно. Прошу, присаживайтесь.

Просьба прозвучала как приказ. Послышалась цепочка размеренных неторопливых шагов и скрип стула.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – поинтересовался эст Етрат.

– У вас был конфликт с Катиром Алием, – произнес мой

бывший наставник. От мага пришла волна раздражения.

– Был, – ответил он резко.

– Озвучьте причину, – ни капли вежливости в голосе Натрига.

– Мои уроки поставили с утра, а его – после обеда, – отрывисто произнес маг.

– И эста Алия это задело?

– Еще как! Он был просто в бешенстве.

– Его уроки поставили на поздний вечер?

– Да нет, сразу после обеда, – недоуменно ответил эст Етрат.

– А его уроки всегда ставили в расписание с утра? – продолжал допытываться Натриг, вызывая у меня полное непонимание происходящего.

– Да, он так хотел.

– Почему? – не давая магу опомниться, спросил бывший наставник.

– Не знаю, – растерялся мужчина.

– Он, что, никогда не объяснял причины своего абсурдного требования? – голос Натрига был полон насмешки. – И ему вот так просто шли навстречу? Другим учителям не хотелось, чтобы их уроки стояли с утра?

– С ним просто никто не хотел связываться.

– Его боялись?

– Да нет. Просто он со всеми ругался.

– И поэтому ему шли навстречу? Очень интересно, – про-

тянул мой ночной кошмар. А я все никак не могла понять, к чему он все это спрашивал. – Так как он объяснял, почему хочет вести уроки только с утра?

– Мне он ничего не объяснял, – вдруг встал в позу эст Етрат, удивив меня.

– Хм, еще интереснее, – произнес Натриг. Стало тихо. Всего на пару мгновений. А потом маг так страшно закричал, что у меня волосы на голове встали дыбом и захотелось забиться в самый дальний и темный угол. Это мой бывший наставник «читал» воспоминания учителя. И, как всегда, не спрашивая разрешения.

Крик эста Етрата вскоре перешел в непрерывный скулеж, который быстро сменился тихими всхлипываниями. От мага так остро несло паникой, что я и сама готова была бежать без оглядки, лишь бы подальше от Натрига с его чудовищными методами работы.

– Любопытно, – в наступившей жуткой тишине раздался спокойный голос бывшего наставника.

Захотелось со всей силы заехать ему по морде. Да чем-нибудь потяжелее. Так, чтобы на собственной шкуре почувствовал то, что из-за него испытывали другие. Чтобы отвлечься от гнева и ненависти, я настроилась на мага. От него не исходило ничего. Судя по всему, он был без сознания. А Натригу не было до этого ни малейшего дела. Ненавижу!

– Рин, ты слишком предсказуема. Скучно, – вдруг произнес мой ночной кошмар. Я предпочла промолчать. Зачем

лишний раз тешить его самолюбие? – Идем. У нас много работы. А времени мало.

Его последняя фраза меня озадачила. К чему спешка? Вряд ли он опасался за жизнь магов Номина.

– Рин! – прикрикнул Натриг, вырывая меня из задумчивости. – Как была спящей мухой, такой и осталась. Не понимаю, как ты вообще выжила в школе с твоими-то способностями.

Лично я тоже этого не понимала, но вслух ничего не ответила, покорно последовав за Натригом.

– Да брось, от тебя любопытством несет за версту, – уже на улице насмешливо бросил мой бывший наставник. – Давай, спрашивай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.